

БЕСТСЕЛЛЕР #1
NEW YORK TIMES

Это роман
о настоящей любви,
о благородстве
и подлости, о смелых
и надежных людях.

amazon.com

КЭТ МАРТИН

Переведено
на 15 языков мира

Аромат
РОЗ

HARLEQUIN®

Продано более 13 миллионов экземпляров

Кэт Мартин

Аромат роз

«Центрполиграф»

2006

Мартин К.

Аромат роз / К. Мартин — «Центрполиграф», 2006

На благотворительном вечере Элизабет Коннерс, профессиональный психолог и красивая женщина, встретила своего старого знакомого Зака Харкорта. В юности он был отпетым типом: употреблял алкоголь, наркотики, два года провел в тюрьме, но пользовался большим успехом у женщин. Лиз, относясь к Заку с недоверием, однако, не успела оглянуться, как влюбилась в него, и небезответно. Оказалось, что он совершенно переменился: стал серьезным, надежным, равнодушным к чужим бедам человеком. Именно Зак помог Элизабет в раскрытии страшных преступлений, связанных с домом, принадлежащим семье Харкорт. Одна беда: похоже, этот мужчина не готов к серьезным отношениям...

© Мартин К., 2006

© Центрполиграф, 2006

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	50
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кэт Мартин

Аромат роз

Роман

Пролог

Мария внезапно проснулась, и ее взгляд мгновенно сфокусировался. Она напрягла слух, стараясь понять природу странного звука, заставившего ее пробудиться от глубокого, но не избавившего от усталости сна.

Вот, он снова повторился, этот далекий звук, похожий на скрип половицы под ковром в гостиной. Она подняла голову с подушки и напрягла слух. Звук изменился, стал похож на стон, на завывание ветра, хотя в реальности ветер никогда так не завывает. Снаружи воздух был горячим и неподвижным, а летняя ночь непроницаемо-черной и тихой. Она рассчитывала услышать знакомый стрекот цикад на соседнем поле, но они непривычно безмолвствовали.

Звуки повторились. Зловещий скрип, затем стон, ни на что не похожий, такого она раньше никогда не слышала в доме. Мария села в постели, чувствуя, как бешено стучит в груди сердце. Затем медленно опустила голову на спинку кровати. Она не отрывала взгляда от двери, размышляя о том, стоит ли разбудить мужа. Но Мигелю каждое утро приходится рано вставать на работу, долго и тяжело трудиться весь день.

То, что она услышала, наверняка было не более чем игрой ее воображения.

Она снова напрягла слух. Глядя в темноту, слушала, слушала, слушала. Однако звуки больше не повторились. Она напонила себе, что нужно дышать, и, чтобы успокоиться, сделала вдох, и тут заметила, что атмосфера в спальне как-то зловеще сгущается. Дыхание мгновенно участилось, словно легким не хватало воздуха. Казалось, будто ей на грудь давит некий неподъемный груз. Пульс тоже участился сильнее обычного, и каждый его удар гулко отдавался ниже грудины.

Madre Dios, Матерь Божья, что же случилось?

Она еще раз натужно вдохнула, медленно втянула в легкие сделавшийся почти осязаемо-плотным воздух и также медленно выдохнула. Затем приказала себе сохранять спокойствие. *В этом нет ничего особенного... У меня всего лишь разыгралось воображение. Ничего особенного, всего лишь жаркая безлунная ночь и тишина.* Она снова вдохнула. Вдох-выдох, вдох-выдох. Грудь вздымается и опускается. Форсированное, размеренное дыхание помогло немного успокоить пульс, однако так и не избавило от пожиравшего ее страха.

Именно тогда она ощутила этот запах. Слабый аромат роз. Он постепенно приближался к ней и вскоре окутал с головы до ног и стал давить, как нечто физически осязаемое. Он становился таким же плотным, как и окружающий воздух, дурманящим и сладким. Поля вокруг дома благоухали розами почти полгода подряд, однако их аромат был нежным и невесомо легким, приятный аромат, не имеющий ничего общего с этим липким, навязчивым запахом. Запахом цветов, которые умерли и начали разлагаться.

Мария почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. С ее губ слетел стон. Она потянулась к мирно спавшему рядом с ней мужу, и рука ее дрогнула. Нет, лучше его не будить, ведь, проснувшись, он с великим трудом уснет снова, а ведь ему так нужен полноценный отдых. И хотя она не произнесла ни звука, ей страстно хотелось, чтобы он проснулся.

Мария лихорадочно обвела взглядом комнату в поисках источника звуков и запаха, не уверенная в том, что сможет отыскать их, но ничего не обнаружила. Ничего такого, что могло

бы объяснить ужас, который продолжал зарождаться в ней, усиливаясь с каждым тревожным ударом пульса.

Она проглотила застрявший в горле комок и потянулась к Мигелю, но в следующее мгновение запах роз начал ослабевать. Давление на грудь также уменьшилось, а воздух в комнате постепенно сделался обычным. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Затем повторила вдох и выдох еще раз. Снаружи снова донесся стрекот цикад. Мария опустила голову на подушку.

Наконец забрезжило утро. Нет, то, что совсем недавно закончилось, – не более чем игра воображения, разыгравшегося в жаркую, душную ночь. Разбуди она Мигеля, тот непременно рассердился бы. Он обязательно сказал бы, что она ведет себя по-детски, глупо, совсем как ребенок.

Она машинально положила руку себе на живот. Она уже больше не ребенок. Ей девятнадцать лет, и она сама носит под сердцем ребенка.

Она посмотрела на мужа и пожалела о том, что не может спать так же крепко, как и он. Однако глаза ее оставались открытыми, а слух напряжен. Она постаралась внушить себе, что больше ничего не боится.

Хотя и знала, что в остаток ночи так и не уснет.

Глава 1

Элизабет Коннерс сидела за письменным столом в кабинете клиники семейной психологии. Кабинет был уютно обставлен. Дубовый письменный стол, кресло, пара шкафов из дуба с четырьмя полками каждый. Диван, обтянутый темно-зеленой тканью.

Стены кабинета были украшены картинами в дубовых рамках, изображавшими город начала девятнадцатого века. На краю стола возвышалась старомодная лампа зеленого стекла. Комната была тщательно убрана, все вещи занимали подходящие им места. Несколько папок с документами, которые она изучала, придавали помещению строгий и деловой вид.

Элизабет посмотрела на стопку картонных папок. В каждой – личные дела, которыми она в данный момент занималась. Последние несколько лет она работала в небольшой частной клинике в Сан-Пико, штат Калифорния. Элизабет родилась в этом городке, большая часть населения которого была занята в сельском хозяйстве. Что неудивительно, ведь находился город в юго-восточной части долины Сан-Хоакин.

Элизабет окончила местную среднюю школу, после чего ей посчастливилось получить небольшую стипендию, которая помогла ей частично оплатить учебу в колледже. В университете Лос-Анджелеса она выбрала специальностью психологию и, подрабатывая, как и раньше, в старших классах средней школы, официанткой, получила степень магистра социальной работы. Два года назад она вернулась в родной город, тихое спокойное место, где жили ее отец и сестра. Правда, отец умер год назад, а сестра вышла замуж и переехала в другой город. Сама Элизабет недавно пережила бестолковый бурный развод, и переезд в родные края помог ей избавиться от депрессии – печального последствия того малоприятного факта, что ее брак с Брайаном Логаном потерпел полное фиаско.

В отличие от шумного города Санта-Ана, где она работала раньше, Сан-Пико был крохотным – тридцать тысяч жителей, преимущественно испанского происхождения. Семья Элизабет была в числе первых поселенцев, прибывших в этот уголок Калифорнии в 1907 году. В основном это были скотоводы, занимавшиеся разведением молочных коров. В пору детства Элизабет ее родители владели небольшим рынком «Коннерс Гросери», но после смерти ее матери отец продал бизнес и удалился от дел, а Элизабет уехала учиться в колледж.

Она потянулась за папкой, лежавшей на самом верху высокой стопки. Этим вечером ей предстояла встреча с семьей Мендоса, правда, не в офисе, а у них дома. Каких только сведений не было в этой папке: и о злоупотреблении алкоголем, и о фактах домашнего насилия, в том числе избивании детей. Однако, судя по всему, проявлений домашнего насилия за последние месяцы сделалось значительно меньше, после того как члены семьи стали регулярно посещать психолога.

Элизабет страстно верила, что такие встречи существенно помогают проблемным семьям улучшить отношения и решать домашние неурядицы, не прибегая к насилию.

Склонившись над бумагами, Элизабет убрала за ухо прядь темно-рыжих волос и продолжила изучение документов. Как и у всех Коннерсов, у нее были темные волосы, изящное телосложение и рост чуть выше среднего. Правда, в отличие от сестры, она унаследовала голубые глаза матери.

Это означало, что каждый раз, когда смотрелась в зеркало, она вспоминала мать и очень о ней тосковала.

Грейс Коннерс умерла мучительной смертью от рака, когда Элизабет было пятнадцать лет. Они были очень близки – мать и дочь, – и трудные месяцы, когда Элизабет ухаживала за ней, а потом ее потеряла, оставили свой печальный отпечаток. Голубые глаза Элизабет были тем наследством, что она получила от матери, однако воспоминания, которые они пробуждали, были настолько болезненными, что порой воспринимались ею как проклятие.

Добравшись до конца отчета, Элизабет вздохнула и, закрыв папку, откинулась на спинку кресла. Она не ожидала, что вернется в родной город – плоский, пыльный и большую часть года удушливо-жаркий. Но иногда судьба совершает неожиданные повороты, и вот она снова поселилась в съемной квартире на Черри-стрит и занимается делом, которому ее учили в колледже. И хотя ей не особенно нравится жить в родном городке, у нее хотя бы есть работа, которая ей по душе.

Элизабет размышляла о предстоящем этим вечером визите в дом семьи Мендоса, когда раздался стук в дверь. Она подняла голову и увидела одного из своих юных подопечных, Рауля Переса. Парню было семнадцать, и сейчас он из тюрьмы для несовершеннолетних, куда попал уже во второй раз, был выпущен на свободу, но при одном условии: он должен где-то работать. Задиристый, грубый, с трудным, вспыльчивым характером, при этом он был довольно сообразительным. И что самое главное, Рауль умел быть отзывчивым и преданным по отношению к друзьям и тем людям, которых любил, как, например, свою сестру Марию.

Именно это его равнодушие к другим людям и стало причиной того, что Элизабет согласилась консультировать его бесплатно. У Рауля имелся несомненный потенциал, он был небезнадежен. Из него может выйти толк. Главное – дать ему правильную мотивацию, постараться убедить в том, что, пока он будет увлекаться алкоголем и наркотиками, жизнь его не изменится к лучшему.

Как часто бывает с такими парнями, как Рауль, последствием подобного образа жизни стала кража со взломом.

Ему и его друзьям понадобились деньги, чтобы купить наркотики, и ради этого они были готовы на все.

Но вот уже год Рауль обходился без наркотиков и пообещал ей, что не собирается больше никогда ступать на кривую дорожку преступной жизни. Было в его живых черных глазах нечто такое, что заставляло Элизабет верить в правдивость его слов.

– Входи, Рауль! – приветливо улыбнулась ему хозяйка кабинета. – Рада видеть тебя.

– Вы очень хорошо выглядите, – вежливо произнес молодой мексиканец.

– Спасибо, Рауль. – Она тоже считала, что сегодня хорошо выглядит – в бежевых брючках и шелковой, бирюзового оттенка блузке с коротким рукавом. Темно-рыжие волосы до плеч волнами обрамляли ее лицо.

Рауль сел на стул, а Элизабет вернулась на прежнее место за письменным столом. Консультацию она начала с вопроса о временной работе юноши в магазине Сэма Гуди, где тот занимался уборкой помещений и доставкой товаров на дом покупателям. Правда, работа эта закончится через неделю, когда Ричи Дженкинс встанет на ноги после аварии на мотоцикле, приключившейся с ним на Мейн-стрит. И если за это время Рауль не найдет себе новую работу, ему придется вернуться в центр заключения для несовершеннолетних.

– Ну, как тебе работает в магазине?

Рауль пожал плечами:

– Я люблю музыку, но там постоянно крутят «кантри-энд-вестерн».

Рауль был крепок, и мускулист, и высок для своего возраста. Он еще с детства был крупнее сверстников. У него были прямые блестящие черные волосы и смуглая кожа. На внутренней стороне руки татуировка с изображением черепа и наколотые синей тушью инициалы чуть ниже левого уха. Последние были наколоты, видимо, несколько лет назад, когда Рауль учился в начальной школе. Что касается татуировки с черепом, то, по мнению Элизабет, ее сделали парню уже в заключении.

Элизабет с улыбкой посмотрела на него:

– Я знаю, что твоя работа через неделю закончится, но у меня есть для тебя прекрасная новость.

Рауль смерил ее недоверчивым взглядом.

– Что это за новость?

– Тебя берут в «Тин Вижн».

– «Тин Вижн»? Что это?

– Я уже говорила об этом пару недель назад, неужели ты забыл?

Рауль кивнул, не сводя взгляда с ее лица.

– Поскольку эта ферма только начинает деятельность, помещение пока рассчитано на двадцать пять подростков, но недавно там освободилась пара мест, и твою заявку приняли.

– Я не подавал никакой заявки, – нахмурился юноша.

Элизабет сохранила улыбку на лице.

– Я знаю, что не подавал. Это сделала я. Когда ты был у меня в прошлый раз, я упомянула об этой ферме. Мне показалось, что это тебя заинтересовало. Тогда я сделала шаг вперед и написала заявку вместо тебя.

На лице Рауля оставалось все то же угрюмое выражение. А вот это нехорошо, подумала Элизабет. Несовершеннолетние правонарушители, что жили на ферме «Тин Вижн», прибыли туда по собственной воле. Если Рауль сам не изъявит желания испытать себя на стойкость, жизнь на исправительной ферме вряд ли пойдет ему на пользу.

– Срок проживания там – один год. А чтобы попасть туда, нужно быть в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Кроме того, следует дать согласие пробыть там ровно двенадцать месяцев, иначе тебя туда не примут.

– Срок моего приговора закончится через шесть месяцев.

– Я понимаю, о чем ты. Тебе следует коренным образом изменить свою жизнь, чтобы больше не возвращаться за решетку.

Рауль ничего на это не ответил.

– Ты поедешь туда на следующей неделе. Пока будешь находиться на ферме, тебе гарантировано бесплатное проживание и питание, короче говоря, тебя берут на полное обеспечение. Там за сделанную работу даже выплачивается небольшое вознаграждение.

– Я знаю, сколько зарабатывают сезонные сельскохозяйственные рабочие, – проворчал Рауль. – Моя семья именно так и зарабатывала себе на жизнь.

– Там совсем не такая жизнь, как у эмигрантов-рабочих, Рауль. Ты мне сам говорил, что тебе нравится работать на ферме, что ты любишь работать с землей, на свежем воздухе. Кроме того, ты сможешь приобрести там какую-нибудь специальность. Да и аттестат о среднем образовании тебе не помешает. Когда закончится год, ты сможешь найти себе работу в сельском хозяйстве или какую-нибудь другую, по твоему выбору, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

Похоже, ее слова заинтересовали юношу.

– Мне нужно подумать.

– Отлично. Но если хочешь знать мое мнение, скажу честно, в данный момент это наилучший для тебя вариант. Однако решение ты сможешь принять только после того, как сам побываешь там и поговоришь с людьми. Ты согласен с этим, Рауль?

По-прежнему не сводя с нее глаз, юноша откинулся на спинку стула.

– Да, я хотел бы посмотреть, что там и как.

– Замечательно. Ты только помни, что подобное место требует от человека немалой ответственности. Ты отправляешься туда, чтобы навсегда изменить свою жизнь. Ты должен сам этого хотеть. Должен пожелать начать все с чистого листа, с самого начала.

Рауль какое-то время молчал. Элизабет не стала ему мешать. Спешка им ни к чему, пусть он подумает о том, что она только что ему сказала.

– Когда мы сможем туда поехать?

Она встала из-за стола.

– Ты работаешь сегодня днем?

Рауль покачал головой:

- Нет. До завтрашнего утра я свободен.
- Что ж, хорошо.
- Элизабет обошла стол и, пройдя мимо Рауля к двери, с улыбкой распахнула ее.
- Тогда почему бы нам не поехать туда прямо сейчас?

Исправительная ферма для подростков «Тин Вижн» занимала ровный участок поля площадью пятьдесят акров близ шоссе номер пятьдесят два в нескольких милях от города. Это была плодородная земля, подарок компании «Харкорт фармз», самого крупного агрокомплекса в округе Сан-Пико.

Почти четыре года назад деятельностью фермы руководила непосредственно компания «Харкорт фармз». Однако после несчастного случая, едва не стоившего жизни ее владельцу и главе семейства Флетчеру Харкорту, – получив серьезную черепно-мозговую травму, он с той поры был прикован к инвалидной коляске, – бразды правления на двадцати тысячах акров земли перешли в руки его старшего сына Карсона. Он взял дела компании под свой контроль и фактически занял пост своего некогда властного отца. Карсон был щедр, и окружающие ценили его щедрость. Красивое белое здание спального корпуса и несколько хозяйственных построек фермы «Тин Вижн» были обязаны своим существованием его пожертвованиям.

После возвращения в Сан-Пико Элизабет несколько раз встречалась с Карсоном Харкорт-ом. Это был высокий красивый блондин. В свои тридцать шесть, после нескольких коротких романов, он все еще оставался холост. Неудивительно, что в их небольшом городе Карсон, как человек богатый и признанный в обществе, считался завидным женихом.

Въезжая в ворота «Тин Вижн» на своей серебристой «акуре», Элизабет думала о Карсоне. Какое удивительное совпадение! Как раз в этот момент со стоянки вырулил серебристый «мерседес-седан» Карсона. Проезжая мимо нее, он притормозил и, подняв облачко пыли, остановился. Затем опустил стекло, как будто только что заметил ее, и одарил знаменитой – и неотразимой – харкортской улыбкой.

– Какой сюрприз, мисс Коннерс. Похоже, что я не вовремя собрался уехать. – Карсон, как всегда, был сама любезность и дружелюбие. Впрочем, Элизабет уже давно казалось, что он проявляет к ней несколько большее внимание, чем то, которое можно назвать обычной учтивостью. Впрочем, даже если это и так, Карсон никогда не предпринимал шагов превратить их знакомство в нечто большее.

– Я рада видеть вас, Карсон. Знакомьтесь, это Рауль Перес, – представила она своего спутника. – Надеюсь, он станет новым обитателем «Тин Вижн».

– Это правда? – Карсон высунул голову из окна, чтобы получше разглядеть юношу. – Здешние ребята молодцы, трудятся на славу, сынок. Так что хватайся за шанс, раз он тебе представился.

Рауль ничего не сказал, как Элизабет и предполагала. Карсон Харкорт, с его властью и богатством, был ходячим воплощением того, против чего юноша восставал особенно яростно.

– Это место... – Она огляделась по сторонам и заметила группу ребят, мотыгами рыхливших землю. А чуть подальше двое других мальчишек со смехом сыпали зерно в кормушку четверем белолобым коровам. – Вы проявили удивительную щедрость, Карсон.

– Наша компания, как только получает такую возможность, любит дарить людям радость, – ответил, пожав плечами, Карсон.

– И все-таки вы сделали много добрых дел. Не думаю, что, будь на вашем месте кто-то другой, он бы проявил такую доброту и участие.

Карсон улыбнулся, посмотрел на поля и снова повернулся к Элизабет:

– Ну, мне действительно пора ехать. У меня в городе назначена встреча с людьми из профсоюза. – Он снова высунул голову в окно и посмотрел на Рауля: – Удачи тебе, сынок!

Рауль опять промолчал, и Элизабет мысленно сделала горестный вздох.

– И еще вот что, – добавил Карсон, обращаясь к ней. – Я хочу с вами обсудить кое-какие вопросы, связанные с фермой. В субботу вечером состоится благотворительный вечер в пользу «Тин Вижн». Рассчитываю отправиться туда вместе с вами. Могу заехать и отвезти вас.

Элизабет ошеломили его слова. Карсон неизменно бывал с ней учтив, но не более того. Наверное, ему стало известно о ее интересе к «Тин Вижн»? Хотя она сама еще ни разу не бывала на ферме, ей было известно, чем занимаются тамошние обитатели. А еще она крепко верила в то, что этот проект принесет положительные плоды.

Она пристально посмотрела на Карсона. Темный период, наступивший в ее жизни после того черного дня, когда ей стало известно о супружеской неверности Брайана, оставил в ее душе не слишком благожелательное отношение к мужчинам. И все-таки было бы приятно провести вечер в обществе интеллигентного и привлекательного мужчины.

– С удовольствием принимаю ваше предложение, Карсон. Благодарю вас. Насколько я помню, вечернее платье обязательно.

Карсон кивнул.

– Я позвоню вам на работу, и вы скажете, как подъехать к вам, чтобы я мог вас забрать.

– Отлично, это было бы замечательно.

Он улыбнулся, помахал рукой, поднял стекло «мерседеса» и укатил прочь. Элизабет какое-то мгновение провожала его взглядом в зеркало заднего обзора. Затем нажала на акселератор и, въехав на стоянку, заглушила мотор.

– Вот мы и приехали, – улыбнулась она Раулю, который не сводил глаз с группы молодых людей, работавших в поле.

На некотором расстоянии от них, оставляя за собой облачка пыли, медленно полз трактор, а на невысоком холме, в ожидании дневной дойки, паслось небольшое стадо коров. В эти минуты Рауль показался ей еще более юным и более взволнованным, чем обычно. Распахнув дверцу машины, он вышел на изнуряющую жару. Примерно на полпути от стоянки до административного корпуса им навстречу уже шагал Сэм Марстон, управляющий «Тин Вижн».

Сэм, коренастый мужчина среднего роста сорока с небольшим лет, стремительно лысел и потому предпочитал сбривать остатки волос, что, кстати, делало его внешне моложе. Говорил он мягко, даже тихо, тем не менее в нем чувствовалась сила и властность.

Заметив Элизабет, он помахал ей рукой и ускорил шаг.

– Добро пожаловать в «Тин Вижн»!

– Спасибо на добром слове, – ответила Элизабет. Она уже встречалась с Марстоном, когда только-только вернулась в родной город и узнала о его успешной работе с малолетними правонарушителями. – Я знаю, что время у вас ограничено. И если вы сейчас заняты, то я могу снова приехать к вам попозже.

Сэм понял, что она имела в виду. Она хочет, чтобы он какое-то время провел с Раулем, поговорил с ним без посторонних глаз.

– Буду рад видеть вас здесь в любое время, – улыбнулся он и повернулся к юноше: – Ты, должно быть, Рауль Перес.

– Да, сэр.

– Меня зовут Сэм Марстон. Если ты не против, пойдем я покажу тебе нашу ферму и немного расскажу о том, что такое «Тин Вижн». – Не обращая внимания на колючий взгляд Рауля, Сэм легонько хлопнул его по спине и подтолкнул, вынуждая юношу зашагать рядом.

Глядя им вслед, Элизабет поймала себя на том, что улыбается. Она обратилась к небесам с молитвой о том, чтобы Рауль получил шанс изменить свою жизнь к лучшему, чтобы ферма, как и для десятков других молодых людей, стала его спасением.

Она прошла немного вперед и, встав в тени дерева в ожидании возвращения Сэма, принялась наблюдать за работающими на поле подростками. В следующую секунду она заметила,

как в ворота «Тин Вижн» въехал автомобиль, темно-коричневый «джип-чероки», и остановился рядом с ее машиной.

Из машины вышел высокий стройный мужчина в выцветших джинсах и темно-синей футболке. У него были темные волосы и загорелая кожа, широкие, мускулистые плечи атлета. Незнакомец приблизился к ней, и Элизабет увидела на его футболке напечатанный белыми буквами девиз «Тин Вижн»: «Мечты сбываются. Нужно только захотеть». Она невольно обратила внимание, что сильные руки незнакомца бугрятся мускулами.

Впрочем, не похоже, чтобы этот красавчик был рядовым работником фермы. Его стрижка показалась Элизабет далеко не дешевой. Шаги широкие, решительные – такая походка может быть только у совершенно уверенного в себе человека. Джинсы безупречно сидят на атлетической фигуре – свидетельство их высокой цены и вкуса обладателя. Стоя в тени дерева, Элизабет пристально наблюдала за ним, и хотя толком его лицо разглядеть не смогла, оно показалось ей смутно знакомым.

Элизабет задумалась о том, где могла видеть этого человека, и в конце концов решила, что если когда-ни будь встречалась с ним, то наверняка бы вспомнила. Незнакомец же прошел мимо Элизабет с таким видом, будто ее здесь не было, и, устремив взгляд вперед, с деловым видом зашагал к сараю, где несколько парней стучали молотками, забивая гвозди. Темноволосый незнакомец подошел к ним и о чем-то заговорил. Через несколько минут он надел плотничный пояс и тоже приступил к работе.

Элизабет какое-то время наблюдала за ним. Более того, она невольно залюбовалась ловкостью его движений, продолжая ломать голову над тем, где она могла видеть его раньше. Вскоре вернулись Сэм и Рауль. Элизабет уже собралась было спросить Марстона о том, кто этот незнакомец, но, когда те подошли ближе, увидела, что лицо юноши прямо-таки лучится от радости, и удобный момент для вопроса был упущен.

– Так ты согласен? – спросила она, улыбнувшись Раулю.

Тот кивнул:

– Сэм сказал, что он и один из консультантов помогут мне определить, к чему у меня есть склонности и чему мне следует научиться. Он говорит, что я могу заниматься делом, которое меня больше всего интересует!

– Рауль, это же просто прекрасно! – От радости Элизабет была готова обнять его и приободрить. Но нет, ей лучше оставаться профессионалом и проявлять сдержанность. Не стоит смущать парня. – Я просто не могу выразить словами, как за тебя рада!

– Он может заселиться к нам уже в субботу, – сообщил Сэм. – Мы поможем ему заполнить нужные документы и подписать все необходимые бумаги. Технически он будет оставаться под контролем системы попечительства до следующего года, и документам придется пройти по всем соответствующим инстанциям.

– Это замечательно! – произнесла Элизабет и повернулась к Раулю: – Если хочешь, я довезу тебя.

– *Si*. Конечно, это было бы здорово, – отозвался Рауль. Он редко переходил на родной испанский язык, лишь когда нервничал или злился. Сейчас же он улыбался, хотя и немного растерянно.

– Твоя сестра будет очень довольна.

Улыбка юноши сделалась еще шире.

– Мария будет рада за меня. Я думаю, что и Мигель тоже.

– Да, я думаю, они обрадуются, узнав, что ты принял такое решение.

Они попрощались с Сэмом, кстати, тот пообещал устроить ей индивидуальную экскурсию по ферме в любое время, когда она только пожелает, затем направились к машине.

Элизабет была рада, что день складывается так удачно, но стоило ей снова посмотреть на Рауля, как улыбка исчезла с ее лица.

– В чем дело, Рауль?

– Мне что-то тревожно. Я хочу, чтобы все было правильно.

– Не волнуйся. У тебя все получится. Тебе готовы помогать так много людей!

Ее слова, похоже, не успокоили его. Элизабет понимала: юноша боится сорваться, все испортить. Она по своему опыту знала, что больше всего мексиканские парни боятся неудач. Впрочем, было ей известно и то, что помимо неудач в жизни Рауля бывали и удачные моменты. Он сумел несколько месяцев продержаться без наркотиков и вот теперь твердо решил провести целый год на ферме «Тин Вижн».

– Ты увидишься сегодня вечером с сестрой? Думаю, она будет рада с тобой встретиться.

Вместо улыбки Рауль нахмурился.

– Я заскочу к ней, чтобы поделиться этой новостью. – Рауль пристально посмотрел на Элизабет. – Я очень за нее беспокоюсь.

– Почему? Надеюсь, ее беременность протекает нормально.

Хотя Марии было всего девятнадцать, это была уже ее вторая беременность. Первая в прошлом году закончилась выкидышем. Элизабет не нужно было объяснять, как много значит ребенок для Марии и Мигеля.

– Дело не в будущем ребенке. Дело в чем-то другом. Мария ничего не говорит, хотя ее явно что-то тревожит. – Рауль все так же не сводил с Элизабет глаз. – Может, вы сами с ней поговорите? Вам она, в отличие от меня, все расскажет.

Элизабет не понравилась его интонация. Хотя муж Марии, Мигель Сантьяго, типичный мексиканец мачо, был неоспоримым главой семьи, они были счастливы. Хочется надеяться, что дело тут не в семейных неурядицах.

– Я охотно поговорю с ней, Рауль. Попроси ее позвонить мне в офис, и мы договоримся о встрече.

– Хорошо, я передам ей. Но вряд ли она позвонит вам, – ответил Рауль.

Элизабет села за руль. Господи, как же нагрелась кожаная обивка сиденья! Она бросила последний взгляд на строящийся сарай. Пока что досками были обшиты лишь две стены, однако, похоже, работа продвигалась бойко. Несколько минут Элизабет наблюдала, как группа подростков, работая молотками, забивает гвозди. Темноволосого незнакомца с ними уже не было. Рауль сел на пассажирское сиденье и защелкнул ремень безопасности. Элизабет завела мотор. Всю дорогу, пока они ехали обратно в город, ее спутник был погружен в собственные мысли. Интересно, о чем он сейчас думает? О новом будущем, которое скоро начнется для него, или о судьбе сестры?

Элизабет остановила машину возле маленького желтого домика, в котором жил Мигель Сантьяго и его хорошенькая юная жена. Она поговорит с Марией, постарается вникнуть в суть ее проблем и, хотелось бы надеяться, сумеет ей помочь.

Глава 2

Час был поздний. Ночная тьма – черной как чернила. На небе повис крошечный серпик луны. В воздухе был разлит запах свежескошенной травы и глубоко взрыхленной почвы. Мария Сантьяго, щелкая пультом, сидела на диване перед экраном маленького телевизора, который стоял на невысоком деревянном столике у противоположной стены скудно обставленной гостиной.

Хотя дом был невелик и, помимо гостиной, состоял из двух спален и ванной комнаты, он был построен недавно, всего четыре года назад. Его главными достоинствами были крепкий фундамент и прочные стены. Снаружи сами стены оштукатурены и выкрашены желтой краской, кровля выложена битумной плиткой. Дом заново покрасили незадолго до того, как они с Мигелем переехали сюда. Бежевый ковер на полу все еще смотрелся как новый.

Мария влюбилась в этот дом с первого взгляда, с той самой минуты, когда они с Мигелем впервые увидели его. Ее привели в восторг и газон позади дома, и циннии на клумбах возле переднего крыльца, в общем, в таком красивом и уютном месте ей еще ни разу не доводилось жить. Мигелю дом тоже понравился, и он был жутко горд тем, что сумел подарить жене и их будущему ребенку такое замечательное жилище.

Ребенка Мигель хотел даже больше, чем сама Мария. Помимо жены и ее брата Рауля других родственников у него не было, во всяком случае, в этих краях. Большая часть его родни проживала в северной части долины Сан-Хоакин, неподалеку от Модесто. Мать Марии умерла пять лет назад, своего отца она не знала. Мать как-то рассказала ей, что он бросил их сразу после того, как родился Рауль, и с тех пор больше его не видела.

Лишившись родителей и не имея близких родственников, которые могли бы позаботиться о них, Мария и Рауль прибились к супружеской паре сезонных рабочих по фамилии Эрнандес, кочевавших от фермы к ферме. Брат и сестра нашли работу по сбору миндаля на плантациях, принадлежавших агрокомплексу «Харкорт фармз». Именно там Мария и познакомилась с Мигелем. Ей не было еще пятнадцати, а ее брату всего тринадцать. Неудивительно, что Мигель Сантьяго стал для них своего рода спасением.

Они поженились, когда Марии исполнилось пятнадцать лет. Вскоре остальные рабочие перебрались на новое место, а Мария и Рауль остались вместе с Мигелем на ферме. Хотя заработок их был невелик, на еду хватало, а Рауль мог ходить в местную школу. Весь первый год он исправно посещал уроки, однако сильно отставал от других учеников. Неудивительно, что вскоре он взбунтовался и отказался продолжать учебу.

К великому огорчению Марии, ее брат начал подолгу болтаться на улице и свел знакомство с дурной компанией. В конечном итоге Рауль попал в беду и был помещен в приемную семью. Увы, вскоре он оказался в центре заключения для несовершеннолетних правонарушителей. Совсем недавно его перевели в так называемый «дом на полпути», учреждение для реабилитации отбывших наказание несовершеннолетних правонарушителей. И вот теперь он будет жить на ферме «Тин Вижн»!

Похоже, что случилось чудо.

Еще одно чудо произошло два месяца назад, когда ее муж получил повышение на работе, его сделали на ферме бригадиром, смотрителем работ, одним из четверых. Помимо повышения он получил и этот дом.

Какой красивый, замечательный дом, в очередной раз подумала Мария, развязав пояс купального халата и бросив его на кресло. Одета в короткую дешевенькую ночную рубашку, топорщащуюся на ее округлившемся животе, она обошла кровать. Господи, поскорее бы Мигель вернулся домой! Увы, он едва ли не каждый день задерживался на работе допоздна, и она уже почти привыкла к его отсутствию по вечерам.

Впрочем, неправда, не привыкла. Потому что в последнее время, когда Мигель задерживался на работе, а за окном становилось совсем темно, Марии становилось страшно.

Мария бросила взгляд на кровать: ей нравился огромный, упругий матрас. До переезда в этот дом ей никогда не доводилось спать в такой просторной и вместе с тем уютной постели.

Ей тотчас захотелось нырнуть под одеяло, положить голову на подушку и погрузиться в мирный сон. Она так устала сегодня, у нее немилосердно болела спина и гудели натруженные ноги. Этой ночью она обязательно постарается уснуть и проснется лишь тогда, когда Мигель вернется домой с работы. То, что случилось на прошлой и позапрошлой неделе, в эту ночь больше не повторится.

Было уже за полночь; в доме стояла абсолютная тишина. Мария приподняла красивое желтое покрывало, легла и натянула простыню до подбородка.

Ей было слышно, как в поле стрекочут цикады, и этот приглушенный, ритмичный стрекот постепенно ее убаюкивал. Подушка под головой казалась такой мягкой и уютной. Длинные черные волосы, распущенные по плечам, потому что так нравилось Мигелю, щекотали лицо. Мария немного поворочалась в постели, и вскоре ее веки сомкнулись.

На какое-то время она погрузилась в сон, глубокий и мирный. Она не слышала ни зловещих скрипов, ни стонов. Не ощутила она и порывов странного ветра. Но уже в следующую секунду воздух сделался гуще и плотнее. Умиротворяющий стрекот цикад внезапно прекратился.

Мария испуганно открыла глаза и посмотрела на потолок. У нее тотчас возникло ощущение, будто на грудь ей давит тяжелый, неподъемный груз. Затем слух ее уловил зловещие стоны и скрип, причем их источником вряд ли был ветер. Темноту спальни заполнил тяжелый, удушающий запах роз. Если не сказать, омерзительный. Мария испугалась, что ее вот-вот вырвет.

Липкий этот запах обволакивал ее, укутывал, словно саван. Он как будто пригвоздил ее к кровати и выдавливал из легких воздух. Мария попыталась приподняться, но у нее не было сил даже на то, чтобы пошевелиться. Более того, она не смогла даже заплакать, вообще не смогла издать ни единого звука.

Madre de Dios ! О Матерь Божья, защити меня!

И она беззвучно принялась молиться. Она просила Деву Марию ниспослать ей спасение от сил зла.

Господи, как же ей страшно! И главное, непонятно, что происходит. Она не понимала, были ли и эти звуки, и этот запах реальностью, или же она потеряла рассудок? В свое время ее мать страдала от опухоли мозга, которая в конечном итоге и свела страдальцу в могилу. Ближе к концу у нее частенько случались припадки и видения.

Неужели с ней сейчас происходит то же самое?

Мария заворочалась в постели, пытаясь подняться, но тело было неподвластно ей. Казалось, будто что-то постороннее вторглось в ее сознание, заполнило каждый его уголок, вытеснило из головы все мысли до единой.

Им нужен твой ребенок, – прошептал в ее голове чей-то тоненький голос. – *Они отнимут у тебя твоего ребенка, если ты не уйдешь отсюда.*

Мария подавила рвущееся из горла рыдание. Страх захлестнул ее с новой силой. Она принялась возносить молитву Пресвятой Деве, чтобы Мигель поскорее пришел к ней. Пусть он вернется домой, иначе будет слишком поздно.

Но Мигель все не приходил.

На ее счастье, тоненький голос постепенно сделался тише и вскоре умолк совсем. Наступила такая пронзительная тишина, что Марии показалось, будто никакого голоса не было вовсе. Потом она долго лежала в темноте, боясь пошевелиться, чтобы снова не повторился ужас предыдущих минут.

Наконец она заставила себя проглотить застрявший в горле комок и попыталась вздохнуть. Затем подняла руки и обнаружила, что они повинуются ей. Она лежала на спине, глядя в потолок, тяжело дыша и чувствуя, как дрожат ее пальцы. Матерь Божья, ну почему она так дрожит, а сердце в груди стучит так, будто она пробежала тысячу миль?

Мария осторожно вытянула ноги, подняла руки и, чтобы унять дрожь, сложила их на груди. После чего неуклюже приняла сидячее положение. Черные длинные волосы, почти достигавшие пояса, тотчас упали ей на плечи. Она подтянула колени к подбородку и, чтобы прикрыть их, натянула пониже подол ночной рубашки.

Это был ночной кошмар, – сказала она себе. – Тот же самый неприятный сон, который снился ей и раньше.

Глаза Марии наполнились слезами. Она прижала руку ко рту, чтобы сдержать рвущийся из горла стон. Боже, как же ей хотелось убедить себя в том, что этот кошмар лишь плод ее воображения.

Зак Харкорт открыл входную дверь дома, некогда бывшего его родным. Это было внушительное белое двухэтажное здание с передним и задним крыльцом. Построено оно было в сороковых годах двадцатого века и позднее не раз перестраивалось. Впрочем, для Зака здесь почти ничего не изменилось: в комнатах высокие потолки с лепниной, на окнах дорогие парчовые занавески. Полы из дубовых досок неизменно отполированы воском до зеркального блеска. Не обращая внимания на резкий скрип рабочих ботинок, Зак прошел через зал в комнату, в которой раньше располагался рабочий кабинет отца: типично мужская комната, стены обшиты панелями темного дерева, вдоль которых выстроились книжные полки, уставленные переплетенными в кожу томами с золотым обрезом.

Главенствующее положение в кабинете занимал огромный дубовый письменный стол, за которым когда-то сидел отец, но теперь восседал в дорогом кожаном кресле его старший брат Карсон.

– Я вижу, ты до сих пор не веришь в полезность стука в дверь, – произнес Карсон, поворачиваясь к Заку. Одна его рука по-прежнему лежала на бумагах. Его враждебный тон не вызывал никаких сомнений. Такая же неприязнь читалась и в глазах Зака.

Братья были примерно одного роста, оба высокие, однако Карсон, на два года старше Зака, отличался плотным телосложением, был шире в груди и плечах и внешне больше напоминал отца. Он был светловолос и голубоглаз, как его мать, тогда как Зак, родившийся от другой женщины, был поджарым и темноволосым. Эти почти черные вьющиеся волосы он унаследовал от матери, Терезы Берджесс, многолетней пассии их общего отца.

О Терезе говорили, что в ее жилах течет капля испанской крови, унаследованной от прабабки, однако сама Тереза всегда это отрицала. И хотя кожа у Зака была более смуглая, чем у Карсона, а скулы – высокие и более резко очерченные, сам он не был уверен в своем мексиканском происхождении.

Впрочем, в одном он был уверен вполне. К великой досаде Карсона, глаза у него были карие и с золотистыми крапинками, точно такие, как и у его отца Флетчера Харкорта.

– Мне незачем стучать, – отозвался Зак. – Напомню на тот случай, если ты забыл: формально этот дом все еще принадлежит нашему отцу, что означает, что он в равной степени и мой так же, как и твой.

Карсон ничего не ответил. После того как Флетчер Харкорт получил травму, которая обрекла его на жизнь в инвалидном кресле и серьезно нарушила умственную деятельность, на Карсона как старшего сына была возложена роль опекуна фермы и всех коммерческих предприятий отца, включая и присмотр за его здоровьем. Принять такое решение судьбе было несложно: Зак был моложе и, что немаловажно, имел за плечами судимость.

Когда Заку исполнилось двадцать один год, он угодил на два года за решетку за непредумышленное убийство. А все потому, что, сидя за рулем в пьяном виде, стал виновником гибели другого человека.

– Что тебе нужно? – недовольно спросил Карсон.

– Хотелось бы узнать, как обстоят дела с прибылью? Хотя, зная твою скрупулезность, полагаю, что все в полном порядке.

– Все под контролем, как я и обещал. Я уже говорил тебе, что помогу собрать средства на твой проект. Именно этим в данный момент я и занимаюсь.

Два года назад Зак смирил собственную гордость и предложил Карсону устроить летний лагерь для мальчиков-подростков, имеющих проблемы с употреблением алкоголя и наркотиков. В юности он сам был таким, нередко попадал в сложные ситуации, постоянно восставал против семьи и закона.

Однако два года, проведенные в тюрьме штата Калифорния, сильно изменили его жизнь. Зак дал себе слово сделать все, что в его силах, чтобы помочь тем, кто имел несчастье оказаться в подобном положении.

Кстати, в то время он также не мог бы причислить себя к счастливчикам.

Тогда он был обозлен на весь мир и обвинял в своих бедах кого угодно, кроме самого себя. Чтобы чем-то себя занять в тюрьме, он от скуки, а также в надежде, что это поможет ему сократить срок заключения, принялся изучать закон и вскоре обнаружил в себе нечто вроде юридической хватки. Еще будучи в заключении, он получил аттестат о среднем образовании, прошел тест на проверку академических способностей и даже получил при этом высокие отметки. Затем отправился в Беркли и поступил на юридический факультет.

Впечатленный его стремлением изменить свою жизнь, отец помог ему получить образование. Благодаря материальной поддержке со стороны Флетчера Харкорта и деньгам, которые Зак зарабатывал сам, он сумел закончить курс юридических наук с самыми высокими отметками. Он отлично сдал экзамен на адвоката, а отец в свою очередь в очередной раз употребил все свое влияние на то, чтобы с сына сняли судимость и тот смог заниматься адвокатской деятельностью.

Сейчас Зак был преуспевающим адвокатом: офис в Вествуде, шикарная квартира в пригороде Лос-Анджелеса с потрясающим видом на океан. А также новенький кабриолет БМВ и джип, на котором он разъезжал по всей долине.

Он вел жизнь, не лишенную приятности, и хотел по возможности расплатиться за тот успех, которого добился. При этом он старался не беспокоить брата просьбами. Этому принципу он изменил два года назад, попросив брата об одном одолжении, после чего поклялся никогда не обращаться к Карсону ни с какими просьбами. Карсон и его мать задались целью сделать жизнь Зака невыносимой с того самого дня, как отец привел его, еще мальчика, в дом и объявил о своем намерении усыновить.

Натянутые отношения между ними никуда не делись, но компания «Харкорт фармз» принадлежала ему в той же степени, что и Карсону, и хотя полный контроль оставался за братом, земли было много, и место, выбранное Заком для своего проекта, представлялось просто идеальным.

Зак помнил тот день, когда обратился к брату с этим проектом, и свое искреннее изумление, когда Карсон охотно согласился с его предложением.

– Наконец-то ты высказал удачную идею, – произнес тогда Карсон, сидя за этим самым письменным столом.

– Значит, ты обещаешь, что «Харкорт фармз» выделит для моего проекта землю?

– Именно. Я даже помогу тебе с деньгами, лишь бы только этот твой проект смог принять практические очертания.

Потребовалось несколько месяцев, чтобы Зак понял: брат в очередной раз ловко переиграл его. Его проект стал проектом Карсона – хотя в его основу легли деньги Зака, – и теперь весь город оказался вроде бы в долгу у Карсона как у своего главного благодетеля.

Впрочем, Зак не слишком переживал по этому поводу. Пока Карсон оставался официальным представителем, денежные пожертвования продолжали поступать, причем в количестве достаточном для того, чтобы исправительная ферма исправно существовала и даже могла расширять свою деятельность. Чем большему числу мальчишек удастся помочь, тем лучше. Зак с радостью оставался в тени, считая, что помогать людям можно, не выпячивая при этом собственной значимости. Поскольку в глазах людей «Тин Вижн» теперь считается детищем Карсона, то и субботнее мероприятие если кому и сыграет на руку, то только его брату.

– Я просто хотел проверить, – произнес Зак, думая о благотворительном вечере, на котором его самого не будет. – Дай мне знать, когда понадобится моя помощь.

Субботний вечер он проведет на ферме, займется постройкой сарая вместе со своими подопечными. Недавно он пришел к выводу, что физическая работа ему даже очень нравится.

– Ты уверен, что не хочешь прийти на это мероприятие? – Карсон изобразил участие. Впрочем, Зак был уверен в другом: брату как раз меньше всего хочется, чтобы он туда явился.

– Нет, спасибо, не хочу портить тебе вечер.

– Ты мог бы привести с собой Лизу. Я приведу Элизабет Коннерс.

Это имя пробудило далекое воспоминание. Лиз Коннерс. Она была на четыре года младше его. Однажды, незадолго до того, как угодить в тюрьму, он пристал к ней неподалеку от кафе, в котором она подрабатывала после уроков. Лиз тогда залепила ему пощечину, – такой дерзости с ним не допускала ни одна женщина, – и он никогда этого не забудет.

– Мне казалось, что она вышла замуж и живет в другом городе.

– Верно, так оно и было когда-то. Она развелась и пару лет назад вернулась в Сан-Пико.

– Неужели? – Сказать по правде, сам он не хотел бы жить в этом крошечном городке. Хотя он и приезжал проводить отца, который теперь жил в пансионате, и время от времени работал на ферме «Тин Вижн», в том, что касалось Сан-Пико на большее он вряд ли был способен. – Передавай Лиз привет от меня.

Сказал и усмехнулся про себя, зная, что Лиз Коннерс вряд ли обрадуется такому привету. Кроме того, Лиз наверняка принадлежит к числу тех женщин, которые насквозь видят таких скользких типов, как его братец. Впрочем, о вкусах не спорят.

Карсон больше ничего не сказал и вернулся к бумагам, разложенным перед ним на столе. Зак, не попрощавшись, вышел из кабинета и направился к своему автомобилю. Его неприятно удивило, что Карсону известно о его отношениях с Лизой Доил. Черт, ему меньше всего хотелось, чтобы брат был в курсе его личной жизни. Он и раньше не доверял Карсону, а теперь – тем более.

Что бы там ни подумал Карсон, Лиза была женщиной не в его вкусе. Зато она любила жаркий, необузданный секс без каких-либо взаимных обязательств, как, впрочем, и Зак, и они вот уже несколько лет встречались и спали вместе.

Выгода таких отношений была обоюдной. Когда он оказывался в городе, ему не было необходимости снимать комнату в мотеле, Лизе же не нужно было цепляться за первого встречного в баре, когда ей хотелось трахнуться.

Так что эта связь устраивала их обоих.

Услышав стук в дверь, Элизабет подняла голову. Дверь приоткрылась, и в дверном проеме появилась голова ее начальника, доктора Майкла Джеймса. Высокий, светловолосый, с серыми глазами, Майкл имел степень доктора психологии. Семейную клинику-консультацию Майкл Джеймс открыл пять лет назад. Элизабет работала у него последние два года. Майкл

был помолвлен, однако явно не спешил связать себя узами законного брака, так, по крайней мере, казалось Элизабет.

– Как у тебя дела с Раулем? – спросил Майкл. Он относился к числу тех, кто симпатизировал юному мексиканцу. Рауль умел расположить к себе, хотя с первого взгляда казалось, будто он прилагает все усилия к тому, чтобы оттолкнуть от себя.

– Решил принять участие в программе «Тин Вижн».

– Замечательно! Теперь самое главное, чтобы он втянулся в новую жизнь.

– Мне кажется, ферма произвела на него впечатление. Еще бы, Сэм из тех, кто сумеет продать сметану даже коровам.

– Значит, и на тебя ферма произвела впечатление. Я так и думал.

– Там действительно все в полном порядке. Карсон проделал отличную работу.

– Это точно. Хотя похоже, что все, за что он берется, делается исключительно для само-рекламы. До меня недавно дошел слух, будто он собирается баллотироваться в законодательное собрание штата.

– Я не слишком хорошо его знаю, но, судя по всему, его действительно интересуют общественные дела. И если он пройдет в законодательное собрание, то наверняка окажется на своем месте и от него будет польза.

– Вполне возможно, – ответил Майкл, хотя и с ноткой неуверенности в голосе.

Они еще какое-то время поговорили, после чего доктор Джеймс вышел. Не успел он закрыть за собой дверь, как уже в следующее мгновение в кабинете Элизабет зазвонил телефон. Подняв трубку, она узнала голос Рауля Переса.

– Я звоню по поводу моей сестры, – сообщил юноша. – Я виделся с ней сегодня утром, после того как Мигель ушел на работу. Мария была чем-то очень расстроена. Она, конечно, пыталась скрыть это от меня, но я-то ее хорошо знаю. Что-то с ней не так. Вы не могли бы найти время и заехать к ней сегодня?

– Я как раз собиралась навестить твою сестру, Рауль. Наверное, заеду через пару часов. Она будет дома?

– Думаю, да. Будет, точно. Мне очень хотелось бы знать, что с ней происходит.

– Постараюсь выяснить, – пообещала Элизабет и, положив трубку, задумалась. Интересно, чем же вызвано странное поведение сестры Рауля?

Впрочем, поскольку по работе ей постоянно приходится иметь дело с такими вещами как семейное насилие, наркотики, уличное хулиганство, а порой даже вооруженные грабежи и убийство, чтобы по-настоящему ее удивить, должно произойти нечто действительно из ряда вон выходящее.

Глава 3

Элизабет смогла справиться с делами лишь в пять часов вечера, когда ее рабочий кабинет закрылся до завтрашнего утра. Ей пришлось ехать по городу в самый оживленный час, но в Сан-Пико не было того бесконечного потока едва ли не липнувших друг к другу машин, как на автострадах Лос-Анджелеса. Живя в Санта-Ане, она была вынуждена буквально бороться за каждый квадратный дюйм дорожного пространства. Правда, на Мейн-стрит ей все равно пришлось дважды постоять на светофорах.

Центр Сан-Пико имел протяженность всего десять кварталов. На многих вывесках здесь красовались надписи на испанском языке. В химчистке Миллера на углу имелся автомат-прачечная. Рядом расположились магазин «Джей-Си Пенни» с заказами по каталогу, несколько магазинчиков, торговавших одеждой, и пара закусочных, в том числе и кафе «У Марж», в котором она подрабатывала, когда училась в старших классах.

Проезжая мимо кафе, она бросила взгляд на знакомый длинный пластиковый прилавок и отделанные розовым винилом кабинки для посетителей. Даже двадцать лет спустя здесь по-прежнему было полно посетителей. Впрочем, ничего удивительного. Кроме «Старого ранчо», ресторана на окраине города, в котором подавали стейки и свиные ребрышки, это было единственное место в Сан-Пико, где относительно прилично кормили.

Вдоль тротуара, как и на других улицах центральной части городка, рос ряд платанов. Поблизости имелись также несколько бензоколонок, «Бургер Кинг», «Макдоналдс» и захудалый бар под названием «Роуд-хаус» – в том месте, где пятьдесят первое шоссе пересекалось с Мейнстрит. Самым крупным благодеянием для городка стало появление два года назад универмага «Уолл-Март», удовлетворявшего потребности горожан и жителей нескольких соседних городков.

Элизабет проехала дальше по Мейн-стрит, направляясь к владениям компании «Харкорт фармз», или, как ее здесь называли, харкортской ферме. Маленький желтый домик, в котором жили Мария и Мигель, стоял чуть в стороне от дороги, ведущей к угольям фермы. Дальше располагались также и дома трех других бригадиров, с полдесятка коттеджей сельскохозяйственных рабочих и большой двухэтажный хозяйский дом. Последний стоял на отшибе, чуть поодаль от остальных строений.

По пути к ферме Элизабет пересекла заброшенную железнодорожную ветку, проходившую недалеко от дома. Почти доехав до цели, она свернула на подъездную дорожку, остановилась и вышла из машины.

Ей пришлось целых два года копить деньги, чтобы в рассрочку расплатиться за этот автомобиль, в который она просто влюбилась. Садясь за руль на обтянутое красной кожей сиденье, она всякий раз чувствовала себя намного моложе своих тридцати лет. Собственно говоря, «акуру» она потому и купила, чтобы чувствовать себя не такой старой, как ей порой казалось.

Элизабет прошла по бетонированной дорожке мимо клумбы с красными и желтыми цинниями и постучала во входную дверь. Через пару минут дверь распахнулась, и Мария Сантьяго впустила ее в дом.

– Мисс Коннерс, это вы! – улыбнулась она. – Вот уж не ожидала! Рада видеть вас. Прошу, входите.

Если бы не огромный живот и увеличившаяся в размерах грудь, девятнадцатилетнюю Марию Сантьяго можно было бы даже назвать стройной. Длинные черные волосы заплетены в косы и закинута за спину.

– Спасибо, – поблагодарила Элизабет и вошла в дом, в котором Мария неизменно поддерживала образцовый порядок. Впрочем, хозяйка дома также была одета чисто и опрятно – в белые коротенькие брючки и свободную блузку-распашонку в голубой цветочек. Если не счи-

тать морщинок в уголках рта и залегших под глазами теней, вид у нее был очень даже привлекательный.

– Мы с Мигелем хотим поблагодарить вас за то, что вы делаете для Рауля. Я никогда еще не видела его таким радостным, хотя он, конечно, старается не показывать виду. – Мария на мгновение нахмурилась, как будто что-то вспомнив. – Скажите, у него сейчас все в порядке? Вы ведь не из-за него приехали ко мне?

– Нет, конечно нет. Не поэтому. Это никак не связано с Раулем. Наоборот, твой брат тревожится за тебя, Мария. Рауль сам попросил меня заглянуть к тебе.

– Почему же он об этом попросил?

– Он считает, что ты чем-то сильно расстроена. Но он не может понять чем. Надеется, что ты все сама мне расскажешь.

Мария поспешила отвести взгляд в сторону.

– Мой брат просто напридумывал всякой ерунды. Со мной все в порядке, да вы сами это видите.

Даже сейчас, на шестом месяце беременности, Мария – большеглазая, с правильными чертами лица – действительно хорошо выглядела, не растеряв и толики своей красоты. Элизабет познакомилась с Марией и Мигелем через Рауля, и они ей оба понравились, хотя властные замашки Мигеля порой вызывали у нее раздражение.

– На улице очень жарко, – сказала Мария. – Могу предложить холодного чая со льдом. Хотите?

– Это было бы замечательно, с удовольствием выпью.

Они прошли на кухню, где стоял круглый деревянный стол. Мария направилась к холодильнику, достала пластмассовый кувшин, бросила в два высоких стакана кубики льда и налила холодного чая. Затем поставила стаканы на стол.

– Не хотите добавить сахара?

– Нет, спасибо.

Элизабет села за покрытый пестрой клеенкой стол и сделала глоток чая.

Добавив сахара в свой стакан, Мария размешала его с большим, чем следовало бы, усердием. Интересно, что за проблемы у этой юной женщины? – подумала Элизабет.

Рауль юноша неглупый и наблюдательный. Он вряд ли стал бы понапрасну звонить ей. Наверное, на это имелась какая-то веская причина.

– Должно быть, тебе нелегко одной весь день оставаться дома вдали от города, – осторожно начала Элизабет.

– У меня всегда много работы, так что скучать мне некогда. Обычно с утра и до самой жары я работала в саду. Но теперь, когда ребенок стал больше, я уже не могу долго находиться на солнце. Но мне есть чем себя занять. Я чиню одежду, убираю в доме, готовлю для Мигеля еду. С тех пор как мы переехали в этот дом, он стал приходить на обед. Он очень много работает. Я люблю, когда у меня есть еда и я могу его хорошо накормить.

– Вы ладите? У вас хорошие отношения?

– Si, мисс Коннерс. Мы ладим. Мой муж – очень хороший человек. Он меня всем обеспечивает, всегда заботится обо мне.

– Я в этом и не сомневалась. И все же, насколько я понимаю, он работает допоздна, а это значит, что ты долго остаешься одна. Скажи, по этой причине ты плохо спишь? – Элизабет наконец решилась задать рискованный вопрос. Это было не более чем предположение, и если она не угадала, Мария еще больше замкнется в себе.

– Почему... с чего вы взяли, будто я плохо сплю?

– Просто у тебя усталый вид, Мария, вот почему. – Элизабет протянула руку и сжала ладонь девушки. – Что происходит, Мария? Расскажи мне!

Мария покачала головой, и Элизабет заметила в ее глазах слезы.

– Я не уверена. Точнее, я не понимаю, что происходит. Что-то точно происходит, но я не знаю, что именно.

– Что-то? Что же именно?

– Что-то очень нехорошее, и я боюсь признаться в этом Мигелю. – Мария отняла руку. – Я думаю... Я думаю, что у меня развивается та же самая болезнь, что и у моей матери.

Элизабет нахмурилась:

– У твоей матери была опухоль мозга, верно? Ты именно это имеешь в виду или я ошибаюсь?

– *Si*, опухоль. Опухоль мозга. Незадолго до смерти у нее возникли видения, она видела то, чего на самом деле не существует, слышала какие-то голоса, которые ее звали. – Подавшись вперед, Мария обхватила свой огромный живот и расплакалась.

Элизабет откинулась на спинку стула. Что ж, вполне возможно, предположила она, хотя наверняка могут быть и другие объяснения.

– Все правильно, Мария. Ты знаешь, что я в любом случае помогу тебе, если только это в моих силах. Объясни мне, почему ты считаешь, что у тебя может быть такая же опухоль мозга, как и у твоей матери.

Мария подняла голову и дрожащей рукой смахнула со щеки слезы. Затем глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– Ночью... когда Мигель еще на работе, я иногда слышу странные звуки. Такие неприятные звуки, скрип, стоны, мычание и тому подобное. Кажется, будто завывает ветер, однако никакого ветра нет. Воздух в комнате начинает густеть, становится таким тяжелым, что им трудно дышать. – Мария замолчала и сглотнула. – И потом этот запах.

– Запах? Какой запах?

– *Si*. Похоже на запах роз, только очень сильный. Я думала, что задохнусь от него.

– Сан-Пико славится своими розами. Здесь их выращивают вот уже более сорока лет. От них никуда не скроешься. – Элизабет еще раз сжала пальцы Марии, холодные и дрожащие. – Не забывай, что ты беременна, Мария. Когда женщина носит под сердцем ребенка, с ней порой творятся самые причудливые вещи. Например, ей мерещатся всякие запахи.

– Правда?

– Конечно. Такое часто бывает.

Мария снова отвела взгляд.

– Я не понимаю, что именно происходит. Иногда... иногда все как будто происходит на самом деле. Иногда мне кажется...

– Что тебе кажется, Мария?

– Что *mi casa es encanrada*.

Элизабет сносно говорила по-испански, правда, лишь в силу специфики своей профессии.

– Ты считаешь, что в твоём доме водятся привидения? Но ты ведь не веришь в это?

Мария тряхнула головой. В глазах у нее снова блеснули слезы.

– Я не знаю, во что мне верить. Знаю лишь то, что по ночам мне бывает очень страшно. Все понятно, она бывает настолько испугана, что не может уснуть, подумала Элизабет.

– Ты хочешь сказать, что на самом деле видела привидение?

Мария Сантьяго покачала головой:

– Привидения я не видела. Лишь слышала его голос в моей голове.

– Послушай меня, Мария. В твоём доме нет никаких привидений. Таких вещей, как призраки, просто не существует.

– А как же Иисус? Иисус восстал из мертвых. Его еще называют Святым Духом.

Элизабет откинулась на спинку стула. Она занимается социальной работой с тех пор, как окончила колледж, за это время ей приходилось решать сотни самых необычных проблем, но с подобным она столкнулась впервые!

– С Иисусом все обстоит иначе. Он – сын Божий, и его призрак не живет в твоём доме. Ты действительно считаешь, что в твоей спальне обитает привидение?

– Или в доме водится привидение... или я умру так же, как и моя мать, – ответила Мария и снова заплакала.

Элизабет встала из-за стола.

– Не надо плакать! – попыталась она успокоить измученную женщину. – Ты не умрешь, с тобой все будет в порядке. Но чтобы нам убедиться, что никакой опухоли у тебя нет, я договорюсь с врачом. Доктор Цумвальт сделает тебе компьютерную томографию. Уверена, что у тебя все нормально.

– У нас нет денег на такие обследования.

– Это будет для тебя бесплатно. Разумеется, если доктор Цумвальт решит, что тебе действительно нужна томография.

– Это больно?

– Нет, ничуть не больно. Просто они сделают снимок твоего мозга.

Мария поднялась со стула.

– Обещайте, что ничего не расскажете Мигелю.

– Обещаю. Я ничего не расскажу твоему мужу. – Элизабет хорошо представляла себе, что скажет Мигель Сантьяго, если узнает, что его юная жена верит в то, что в их доме водятся привидения.

– Мы поедем в клинику уже завтра?

– Сначала мне нужно договориться. Я позвоню тебе сразу, как только мне скажут, во сколько там нужно туда явиться. Тогда я сама заеду за тобой и отвезу в клинику.

Мария попыталась улыбнуться:

– Спасибо.

– Рауль обязательно спросит у меня, как все прошло.

– Скажите ему, что со мной все в порядке.

Элизабет вздохнула:

– Я скажу ему, что отвезу тебя в клинику, чтобы проконтролировать течение беременности.

Мария кивнула и бросила взгляд в сторону спальни.

– Только попросите доктора ничего не говорить Мигелю.

Карсон Харкорт подъехал к двухэтажному четырехквартирному дому на Черри-стрит, вылез из «мерседеса» и направился к квартире В. Район города, в котором стоял дом, был спокойным, можно даже сказать, самым тихим и безопасным во всей округе.

Карсон опоздал всего на несколько минут, однако в свое оправдание решил, что к его приезду Элизабет наверняка еще не будет готова. Женщинам ведь всегда не хватает времени.

Он коротко постучал в дверь. Каково же было его удивление, когда ему открыла абсолютно готовая к предстоящему мероприятию Элизабет. Взгляд Карсона скользнул по длинному, до пят, темно-голубому платью с блестками.

Карсон Харкорт невольно улыбнулся. Нет, он все-таки не ошибся, когда, поддавшись минутной слабости, пригласил Элизабет Коннерс на благотворительный вечер. Конечно же он еще тогда обратил внимание, что она хороша собой. У него возникло подозрение, что, если с нее снять невыразительный деловой костюм, она тотчас преобразится в совершенно другую женщину.

– Вы потрясающе выглядите, – совершенно искренне отвесил ей комплимент Карсон. Элизабет была немного выше среднего роста, стройная, с красивой осанкой. Вечернее платье выгодно подчеркивало все изгибы ее фигуры. Карсон успел разглядеть полную грудь, изящные плечи, тонкую талию, округлые линии бедер.

«Как это я не обратил внимания на нее раньше», – мысленно укорил он себя.

– Спасибо за комплимент. Вы сами прекрасно сегодня выглядите, Карсон.

Карсон Харкорт улыбнулся. Он знал, что всегда хорошо выглядит в смокинге. Черный цвет выигрышно подчеркивал его светлые волосы и голубые глаза, а покрой смокинга – ширину плеч. Все это было бы хорошо, если бы не адская жара. Он всего на пару минут вылез из прохладного салона, в котором работает кондиционер, и уже успел вспотеть. Не говоря уже о том, что горло ему сдавливает плотно застегнутый воротничок белой рубашки!

– Пойдемте. В машине будет прохладнее.

Элизабет кивнула и приняла протянутую Карсоном руку.

Тот подвел ее к своему серебристому «мерседесу» и распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья. Не успел он вставить в панель зажигания электронный ключ, как кондиционер заработал в полную силу. Карсон уже давно не проводил времени в женском обществе. Бросив взгляд на Элизабет, он решил, что на этот раз все будет иначе. Сегодняшнюю ночь они проведут вдвоем. Он даже дал себе слово, что именно так и будет.

Они приехали к самому началу благотворительного вечера. Карсон провел Элизабет через толпу приглашенных, кивая немногим знакомым, и повел ее в глубь зала. Подойдя к бару, где гости должны были сами платить за выпивку, он заказал шампанское для Элизабет и виски с содовой для себя. В баре они пообщались с некоторыми гостями, в том числе с Сэмом Марстоном, супругами Фокс, – самыми крупными жертвователями, – и несколькими психологами из местной школы.

– Вот уж не подозревала, Элизабет, что встречу тебя здесь! – Этот голос принадлежал ее подруге Гвен Питерсен. Та пришла с мужем Джимом, районным управляющим банка «Веллз Фарго».

– Честно говоря, я не собиралась сюда, но Карсон любезно пригласил меня. Я как раз хотела позвонить тебе, но в последнее время была очень занята.

Взгляд Гвен переместился с Элизабет на Карсона и задержался на нем на мгновение, как будто Гвен размышляла о том, что связывает этих двоих. Впрочем, ее лицо тотчас озарилось улыбкой.

– Это прекрасная идея. – Гвен была невысокая, рыжеволосая, красивая.

Если только он не ошибается, подумал Карсон, у Питерсенов двое сыновей. Он улыбнулся ей в ответ:

– Я тоже думаю, что это была хорошая идея.

Взгляд Гвен снова вернулся к подруге.

– Я обязательно позвоню тебе в начале недели. Нам обязательно нужно встретиться и пообедать вместе.

Элизабет кивнула:

– Увидимся. Счастливо, до скорого!

До начала официального открытия благотворительного вечера оставались считанные секунды. Карсон усадил Элизабет за покрытый белой скатертью стол и сел рядом.

После того как последние гости заняли свои места, в помещении стало тихо. Вечер проводился в банкетном зале отеля «Холидей Инн», где обычно устраивались все подобные городские мероприятия.

Карсон представил свою спутницу людям, сидевшим за соседними столиками. Кое-кого из них Элизабет знала. Все они вели за столом учтивые разговоры. Кстати, обед, который им подали, был в известном смысле традиционным и состоял из резиноподобной утки с непо-

нятным коричневым соусом, теплого картофельного пюре и переваренной брокколи. Затем настало время десерта. На сладкое подали вполне приличный шоколадный мусс, благодаря которому им и удалось кое-как заглушить голод, оставшийся после сомнительного вида основных блюд.

Затем начались официальные речи. Сэм Марстон поведал об успехах «Тин Вижн» в работе с трудными подростками. Джон Диллон, один из консультантов средней школы, рассказал о тех возможностях, какие ферма может дать так называемым проблемным подросткам. Карсона представили гостям вечера последним, и он сорвал шумные аплодисменты.

Поднимаясь на подиум, он поправил смокинг.

– Добрый вечер, леди и джентльмены. Я рад видеть на нашем славном мероприятии самых лучших, самых равнодушных людей города. – Последовали новые аплодисменты. – Сэм уже немного рассказал вам о нашей ферме. Позвольте мне добавить вам кое-что о наших питомцах, обитающих под крышей «Тин Вижн».

Свой рассказ Карсон начал с кратких историй отдельных молодых людей, получивших образование и трудовые навыки на ферме. Когда он закончил говорить о личных трагедиях нескольких питомцев «Тин Вижн» и о том, как ферма изменила их жизнь к лучшему, в зале на мгновение воцарилась тишина.

– Вы неизменно проявляли щедрость, делали пожертвования на развитие «Тин Вижн». Надеюсь, вы и дальше будете оказывать нашему начинанию финансовую поддержку. Сегодня мы принимаем пожертвования. Прошу вас передавать чеки на стол, стоящий возле двери. Миссис Грейсон выпишет квитанции, которые вы сможете приложить к вашим налоговым декларациям.

Все энергично зааплодировали. Карсон вернулся к своему столику и сел рядом с Элизабет.

– Вы были великолепны, – похвалила его она, блеснув глазами. – Вы нарисовали правдивую картину того, через что пришлось пройти вашим питомцам.

Карсон пожал плечами:

– Это очень перспективный проект. Я рад, что хотя бы как-то могу оказывать людям помощь.

Элизабет с улыбкой посмотрела на своего собеседника. Карсону нравились женщины, которые ценили мужчин и всячески это подчеркивали. И еще ему нравилось то, как она выглядит в этом платье, соблазнительно и вместе с тем стильно. Но не слишком вызывающе. Если бы Элизабет Коннерс тратила на наряды чуть больше денег, то смотрелась бы просто идеально.

– Скоро заиграет оркестр, – сообщил он. – Потанцуем?

– С удовольствием, – снова улыбнулась Элизабет.

Она поднялась из-за стола и прошла на танцпол. Карсон посмотрел ей вслед и одобрительно улыбнулся. Как красиво она покачивает бедрами. Очень сексуально, но и не слишком вульгарно. А еще, как выяснилось, у нее прекрасная память на имена и она умеет общаться с людьми.

Интересно.

Начался медленный танец. Карсон обнял Элизабет, и ее руки легли ему на плечи. Они двигались ритмично и слаженно, как будто не один десяток раз танцевали вместе. Ему нравилось, что их тела чувствуют друг друга.

– Вы хорошо танцуете, – похвалила Элизабет.

– Пытаюсь. – Карсон подумал об уроках танцев, на которых в детстве так настаивала мать. Кстати, мать была права. Эти уроки действительногодились ему, как она и обещала. А ведь в свое время танцы он просто ненавидел. – Я всегда любил танцевать.

– Я тоже, – призналась Элизабет. Она грациозно следовала его движениям, усиливая то благоприятное впечатление, которое сегодня вечером Карсон производил на окружающих. Он

отметил про себя, что у его партнерши тонкая талия, а тело крепкое и тренированное. Впрочем, он всегда находил ее привлекательной. Странно, почему же раньше он не уделял ей больше внимания?

Наверное, потому, что тогда политические амбиции заслоняли для него будущее. Правда, в последнее время все изменилось.

Музыка смолкла. Карсон проводил Элизабет с танцпола к столику. Неожиданно оба замерли на месте, заметив, что к ним приближается какой-то темноволосый мужчина.

– Смотрите, кто пришел! – глумливо протянул Карсон, глядя в карие глаза брата. Времена меняются, но есть вещи, которые остаются без изменений. К числу таких неизменных величин относилось и его отношение и чувства – вернее, отсутствие таковых – к Заку.

Элизабет вопросительно посмотрела на Карсона, а потом перевела взгляд на темноглазого, темноволосого мужчину, стоявшего перед ней. Господи, какой красавец! Эта мысль пронзила ее как удар электрического тока. В следующий миг она вспомнила, что видела его на ферме возле строящегося сарая. И хотя тогда его лицо было скрыто за массивными солнечными очками, тем не менее она узнала его. Сомнений не было: это он, тот самый незнакомец, которого она видела на ферме «Тин Вижн». Еще там Элизабет показалось, что она встречала его когда-то раньше. Теперь же ей стало понятно, почему он показался ей тогда смутно знакомым.

– А я думал, что ты не приедешь, – сказал ему Карсон другим, едва ли не ледяным тоном. Элизабет не нужно было объяснять почему. Человек, стоявший перед ними, единокровный брат Карсона, Зак Харкорт.

– Я передумал, – ответил Зак и, скользнув взглядом по спутнице Карсона, улыбнулся ей. У него были ослепительно-белые зубы, казавшиеся еще белее на фоне смуглой кожи.

– Привет, Лиз.

Элизабет внутренне напряглась:

– Привет, Зак. Давно не виделись.

Давно, да не слишком, подумала она, вспомнив тот последний раз, когда его видела. Вспомнила, что он был пьян и безобразно вел себя, вспомнила его глаза, одурманенные наркотиками. Она тогда училась в выпускном классе и подрабатывала в кафе официанткой.

– Я не знала, что ты вернулся в Сан-Пико.

– Я не совсем вернулся сюда. Во всяком случае, неофициально. А вот ты, судя по всему, здесь живешь.

– Я вернулась два года назад. – Она не стала признаваться, что видела его на ферме «Тин Вижн». Сказать по правде, ей показалось странным, что Карсон допустил брата к работе с трудными подростками.

– Милая вечеринка, – заметил Зак, обводя взглядом женщин в вечерних платьях и мужчин в смокингах. – Если, конечно, вам нравятся жесткая как резина утка и оркестр, исполняющий шлягеры седой древности.

– Это Сан-Пико, а не Лос-Анджелес, – жестко ответил Карсон, поправляя галстук-бабочку. – Мы собираем здесь пожертвования, а не развлекаемся. Напоминаю это тебе на тот случай, если ты забыл.

– Да разве я мог забыть после твоей душераздирающей речи? Кстати, ты превосходно выступил.

Смокинг на Заке был жутко дорогим, итальянского производства, если судить по крою и ткани. От Армани или Валентино. Странно, задумалась Элизабет: откуда у него деньги на такую дорогую одежду? Может, он теперь не принимает наркотики, а торгует ими? По крайней мере, сейчас у него больше нет затуманенного взгляда типичного наркомана.

– Миссис Грейсон будет счастлива принять твой чек, – с невинным видом произнес Карсон.

Зак вопросительно выгнул черную бровь.

– Полагаю, она будет не менее счастлива принять и твой.

Карсон бросил на брата колючий взгляд. Отношения между братьями всегда оставляли желать лучшего. Похоже, их отношения за последнее время несколько не улучшились, сделала вывод Элизабет.

– Ты же сказал, что в твои планы не входит приходить сюда. Почему тогда ты передумал?

Зак перевел взгляд на Элизабет.

– Решил, что, придя сюда, я смогу встретить кое-кого из старых друзей.

Глава 4

Зак наблюдал, как Лиз Коннерс танцует еще один танец с его братом. Она выглядела намного лучше, чем раньше, когда он видел ее последний раз. Ее фигура приятно округлилась, обретя женственные очертания. Она не забыла его, в этом он был более чем уверен. Ее прекрасные голубые глаза были холодны как лед, когда она изредка бросала взгляд в его сторону. Именно воспоминание об этих удивительных глазах и вынудило его прийти сюда. Когда-то давно Элизабет Коннерс ему жутко нравилась, но она даже не смотрела в его сторону. Впрочем, она была права, когда старалась держаться от него как можно дальше. Он был тогда полным ничтожеством, ступившим, помимо охоты за любым созданием в юбке, на путь, ведущий в никуда. Интересно проверить, подумал Зак, насколько Лиз Коннерс изменилась за эти годы.

Он размышлял об этом, наблюдая, как грациозно она движется в танце. Теперь в ней было гораздо больше уверенности в себе, чем в годы школьной юности, да и выглядит она куда привлекательнее, чем раньше. И вместе с тем сейчас ее стало гораздо проще понять. Казалось, он мог прочесть ее как открытую книгу. Например, ему не составило большого труда прочесть на ее лице недовольствие, вызванное его появлением здесь.

Зак еле сдержал улыбку. Его интерес к Лиз, похоже, раздражает его обожаемого брата. Впрочем, на это он и рассчитывал. Иначе с какой стати ему было приходиться на этот благотворительный вечер? Интересно, давно ли они встречаются и насколько далеко зашли их отношения? Спит ли она с его братом? Мысленно задав последний вопрос, Зак с удивлением поймал себя на том, что не хотел бы получить на него положительный ответ.

Он заметил, что Элизабет рассмеялась каким-то словам, сказанным Карсоном. Как хорошо он помнил этот смех, который впервые услышал десять лет назад, когда Лиз подрабатывала после уроков в кафе. Это был приятный, хрустально-звонкий женский смех, куда более теплый, нежели ее голубые глаза.

Зак отвернулся от танцующей пары и направился к выходу. Прийти сюда его подвигло исключительно любопытство. А поскольку времени на сборы было в обрез, ему пришлось дать поручение помощнику заехать к нему на квартиру и привезти смокинг, который курьером переправили в Сан-Пико, чтобы Зак успел попасть на торжество.

Он намеренно прибыл на банкет с опозданием, пропустив обед и все речи, за исключением речи брата. Несмотря на всю свою антипатию к брату, он был вынужден отметить, что Карсон действительно проделал большую работу. Сумма пожертвований оказалась гораздо больше, чем он предполагал.

Это обстоятельство слегка уязвило его гордость. Ему меньше всего хотелось чувствовать себя в долгу у сводного брата. Однако стоило Заку вспомнить о подростках, которым ферма поможет изменить жизнь к лучшему, как самолюбие тотчас отступало на второй план.

– Эй, красавчик! Я не знала, что ты в городе.

Перед Заком выросла Мадлен Фокс. Ее длинные, наманикюренные ноготки впились в атласный лацкан его смокинга. Теперь она была рыжеволосой, что делало ее чертовски привлекательной.

– Я приехал на выходные. В понедельник возвращаюсь в Лос-Анджелес.

– Но на воскресенье ты остаешься здесь?

– В воскресенье я работаю на ферме.

Он встречался с Мадлен, когда еще учился в школе. Она в ту пору была самой отвязной штучкой во всем городе. С тех дней ее стало не узнать: она вышла замуж за врача и была не прочь изобразить добропорядочную замужнюю даму. Но каждый раз, встречая Зака, Мадлен недвусмысленно давала понять, что готова возобновить прежние близкие отношения.

Она провела пальцем по лацкану смокинга.

– Если тебе станет скучно, ты знаешь, как найти меня. – Записку с номером мобильного телефона она дала ему еще раньше, пару недель назад, когда они случайно встретились на автозаправке.

– Я помню, – ответил Зак и, изобразив улыбку, зашагал к выходу. Ему меньше всего на свете хотелось ввязываться в интрижку с замужней женщиной. В Сан-Пико шлейф скандальной репутации и без того неотвязно тянулся за ним. Неудивительно, что Зак старался по возможности избегать ненужных связей с женщинами в этом городе, за исключением одной – с Лизой Дойл.

Элизабет смогла устроить визит Марии к доктору Цумвальту в городскую клинику Сан-Пико лишь во вторник. Цумвальт, высокий седоволосый мужчина, был настоящий профессионал своего дела. Человек разумный и здравомыслящий, он прекрасно понимал страхи молодой женщины, но от поспешных выводов отказался и решил кое-что уточнить.

Элизабет вместе с Марией вошла в его кабинет – уютно обставленный, с простыми белыми стенами, на которых висели дипломы и поощрительные грамоты в позолоченных рамках.

Цумвальт взял в руки авторучку.

– Прежде чем мы продолжим, Мария, я хотел бы кое-что выяснить. Мне хотелось бы знать, регулярно ли вы посещаете гинеколога.

– Я хожу к гинекологу каждые три недели, – ответила Мария.

– У вас все нормально с гормонами? Анализы крови не показывали каких-либо отклонений от нормы?

Юная женщина покачала головой:

– Доктор Олбрайт считает, что у меня все в порядке.

– Отлично. Давайте тогда немного подробнее поговорим о галлюцинациях, которые у вас были. Вы сказали, что слышите какие-то голоса, я правильно вас понял?

Мария кивнула:

– Только один голос, такой тоненький. Он высокий и нежный, совсем как детский.

– Понятно. – Доктор сделал какую-то запись в блокноте. – И вы утверждаете, что в такие моменты вам становится трудно дышать, верно?

Мария с усилием сглотнула.

– Si. Да, это так.

– Я не думаю, что есть какие-то основания для беспокойства, Мария. Существует большая вероятность того, что это типичный невроз. В отдельных случаях симптомы могут быть крайне острыми. Кроме того, памятуя о вашей матери, следует хорошенько во всем разобраться. Но сначала мы сделаем томографию.

Через двадцать минут, одетая в белый халат, Мария прошла за медсестрой в комнату, едва ли не до потолка заставленную медицинским оборудованием. Пока пациентке делали томографию, Элизабет ждала ее за дверью, в коридоре. Марию предупредили, что для лучших результатов следует расслабиться и закрыть глаза.

Расслабиться она не смогла и, лежа на столе, чувствовала, что у нее начинают дрожать руки. Ласково улыбнувшись и сказав несколько ободряющих слов, медсестра помогла ей подняться, дала успокоительное и подождала, когда лекарство начнет действовать. Томография была закончена, но результаты будут известны лишь на следующей неделе.

К Элизабет, ожидавшей в коридоре, когда Мария переоденется, подошел доктор Цумвальт:

– Пока мы будем ждать результатов, вашей подопечной желательно встретиться с еще одним специалистом. Как я уже сказал, по всей видимости, мы имеем дело с неврозом или

некоей разновидностью паранойи. Возможно, доктор Джеймс сумеет уделить ей немного времени.

Что ж, тоже неплохая идея, решила Мария.

– Я обязательно поговорю с ним. Уверена, он с радостью ее примет. Вы сообщите нам, когда будут готовы результаты томографии?

– Я попрошу медсестру позвонить вам на работу.

– Спасибо.

К ним подошла Мария, уже в брючках и свободной блузке. На этот раз вид у нее был даже более взволнованный, чем раньше.

– Тебе не стоит тревожиться, Мария, – попыталась успокоить ее Элизабет. – Томографию сделали, но, пока мы не дождемся результатов, беспокоиться тебе не о чем.

Мария вздохнула:

– Вы правы. Я попытаюсь ни о чем не думать, хотя это явно будет нелегко.

– И еще кое-что.

– Что именно?

– Доктор Цумвальт считает, что тебе нужно встретиться еще с одним специалистом. Возможно, ты страдаешь от стресса, вызванного тем, что происходит в твоём сознании. Я устрою тебе консультацию с доктором Джеймсом. Надеюсь, он поможет тебе выяснить, что с тобой происходит на самом деле.

Мария кивнула. Впрочем, было заметно, что она не в восторге от этой затеи. Одно дело – иметь опухоль мозга и совершенно другое – страдать душевным заболеванием. Вряд ли кому приятно, когда его принимают за сумасшедшего.

– Если мы закончили, я хочу поскорее вернуться домой, – сказала Мария. – Мигель удивится, когда придет на обед и не застанет меня дома.

Заметив, что Мария снова начинает нервничать, Элизабет задалась мысленным вопросом, что, возможно, проблема отчасти связана с тем, что у этой молоденькой женщины властный муж, которого она боится. Если дело обстоит именно так, то с ним, пожалуй, стоит поговорить.

Впрочем, скорее всего, в этом нет настоящей необходимости. По крайней мере, пока. Элизабет вздохнула, и они с Марией зашагали по коридору. Через пару минут они уже вышли из здания клиники на жаркое июльское солнце.

Элизабет вернулась на работу незадолго до обеденного перерыва – с бумажным пакетом, в котором лежал бутерброд из кафе «Сабвей» и банка диетической колы. Не успела она поставить пакет на стол, как зазвонил телефон.

– Элизабет? Привет, это Карсон. Я хочу поблагодарить вас за то, что провел прекрасный вечер в вашем обществе.

– Я тоже получила большое удовольствие.

– Отлично, почему бы нам не повторить? На следующей неделе я приглашен на обед. Встреча представителей республиканской партии. Республиканцы прилетают со своими женами. Я подумал, что вам будет интересно с ними встретиться. Более того, я уверен, вы им понравитесь.

Значит, слухи верны. Карсон решил заняться политикой. Ее же политика никогда не интересовала, за исключением тех случаев, когда наступало время выборов и нужно было отдать голос за наиболее достойного – по ее мнению – кандидата. И все-таки было лестно получить приглашение на подобного рода мероприятие.

– Что ж, наверное, и впрямь будет интересно. Лично я не поддерживаю никакую партию. Надеюсь, это не вызовет осложнений?

Карсон басовито рассмеялся.

– По крайней мере, вы не принадлежите к стану демократов. Я заеду за вами в семь вечера.

Ее собеседник отключился. Элизабет положила телефонную трубку на место. Карсон привлекателен и умен. Они прекрасно провели время на благотворительном вечере. Но в ее воображении почему-то возник совершенно другой образ, не блондин Карсон, а его брат-брюнет.

Зак Харкорт всегда был чертовски хорош собой. В свои тридцать четыре года он выглядел на добрый десяток лет моложе. Но теперь в нем появилось нечто другое, нечто более темное и жесткое. Едва ли не brutальное. Из симпатичного юноши он превратился в мужчину, способного постоять за себя. Ей было известно, что Зак побывал в тюрьме, и следы от пребывания за решеткой отпечатались в жесткой линии рта.

Элизабет снова задумалась, чем, собственно, он занимается на ферме «Тин Вижн». Надо будет спросить у Карсона при следующей их встрече.

* * *

Наступила пятница, конец первой недели пребывания Рауля в «Тин Вижн». Элизабет решила воспользоваться приглашением Сэма Марстона и заехать на ферму.

Оставив новенькую «акуру» на пыльной стоянке, она вышла из машины и зашагала к административному зданию рядом со спальным корпусом. Сэм сразу увидел, как она подъехала. Элизабет позвонила ему незадолго до приезда, так что он уже высматривал ее на дороге и с улыбкой вышел из дому ей навстречу.

– Я рад, что вы к нам приехали, – сказал он и, поймав ладонь Элизабет, добросердечно пожал обеими руками.

– Я тоже рада. Вообще-то мне следовало бы выбраться к вам пораньше.

– Просто до Рауля у вас не было повода для приезда. – Сэм проводил Элизабет к себе кабинет. – У нас в штате шесть консультантов-психологов. Двое из них постоянно находятся на дежурстве, и их можно застать в любое время.

Он подвел ее к письменным столам консультантов, на всякий случай показал, где находится туалет, продемонстрировал крошечный конференц-зал, где консультанты проводили приватные встречи со своими подопечными. Обстановка была скромной: дешевый пластиковый стол и темно-синие мягкие кресла.

Осмотрев помещения, они снова вышли на улицу.

– Рауль сейчас на пастбище. Похоже, ему нравится ухаживать за животными.

– Он по своей природе добрый парень, хотя всячески это скрывает.

Сэм отвел гостью в спальный корпус, показал комнату для отдыха, где стоял телевизор, а затем одну из общих спален.

– Мы стараемся обеспечить каждому известную степень приватности, однако не разрешаем никаких запертых дверей и пару раз в день устраиваем выборочные проверки комнат.

В третьем здании размещалась столовая, основное место сбора обитателей фермы. Кухня была безукоризненно чистой и сияла отполированной до блеска нержавеющей сталью. Двое подростков были заняты мытьем посуды.

– У нас есть повар, занятый полный рабочий день, но за уборку кухни отвечают наши ребята. Они также помогают готовить. Всякую работу у нас выполняют по очереди, так что все трудятся одинаковое количество времени и не слишком устают.

– Вы творите здесь чудеса, Сэм. Честно говоря, я в полном восторге!

Явно польщенный, Марстон улыбнулся. Они направились к тому месту, где строился новый сарай. Увы, стоило Элизабет бросить взгляд на группу подростков, которые, дружно

стуча молотками, приколачивали доски, обшивая ими третью стену, как ее шаги невольно замедлились.

– А что здесь делает Зак Харкорт? Чья это идея, допустить такого человека, как он, к работе с трудными подростками. – Ее взгляд остановился на высокой фигуре Зака, голого по пояс. Каждый раз, когда он заколачивал очередной гвоздь, его сильное тело бугрилось мышцами.

Сэм перехватил ее взгляд и рассмеялся.

– Что тут смешного? – удивилась Элизабет. – Зак Харкорт провел два года в тюрьме за непредумышленное убийство. Он был в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, и по его вине погиб человек. Судя по тому, какие у него дорогие вещи, я не удивляюсь, что этот человек и по сей день занимается какой-то нелегальной деятельностью.

Улыбка Сэма сделалась еще шире.

– Похоже, что вы не слишком-то жалуете Зака.

Элизабет невольно вспомнился тот день, когда Зак Харкорт оскорбил ее на глазах у посетителей кафе. Как прижал ее на улице к стене у входа в кафе и попытался поцеловать. Как провел рукой по ее ногам, как попытался залезть ей под юбку.

– Зак Харкорт всегда был никчемным типом. Что-то мне не слишком верится, что он изменился за эти годы.

Улыбки на лица Сэма Марстона как не бывало.

– Почему бы нам не перейти в тень и не продолжить разговор там? Я хочу, чтобы вы узнали кое-что еще о нашей ферме.

Сэм подвел ее к платану, росшему неподалеку от сарая, и они встали в тенике под раскидистыми ветвями.

– Зака Харкорта, которого вы знали раньше, больше не существует. Его не стало еще в те годы, когда он сидел в тюрьме. На свободу вместо него вышел совсем другой человек. Это человек, который трудится над строительством сарая, именно его вы сейчас и видите.

Взгляд Элизабет скользнул к тому месту, где сейчас кипела работа. Стройное мускулистое тело Зака блестело от пота. Элизабет невольно залюбовалась им. Черт, как же он хорош собой: широкие плечи, узкая талия, длинные, крепкие ноги! Можно было не любить Зака Харкорта, но нельзя было не признать, что он сложен как бог.

– Зак работает у нас по выходным по меньшей мере дважды в месяц. Причем с самого начала, как только была построена наша ферма. Он сделал многое для нее. По сути дела, Зак – ее основатель.

– Что? Не может быть!

– Да, именно так. Сейчас мы во многом зависим от пожертвований, но вначале Зак вложил в «Тин Вижн» немало собственных средств.

– А я думала, что Карсон...

– Так хочет Зак. Карсон – уважаемая личность, важный человек в Сан-Пико. Благодаря его поддержке мы смогли значительно расширить нашу ферму. Не знаю, как бы мы обходились без его помощи.

Элизабет снова бросила взгляд на Зака. В следующий момент он обернулся и тоже посмотрел в ее сторону. У нее на мгновение перехватило дыхание, и она быстро отвела глаза.

– Интересно, и откуда же у Зака Харкорта появились такие деньги?

– Совсем не по той причине, о которой вы думаете. Пока Зак сидел в тюрьме, он начал изучать юриспруденцию. Сначала для того, чтобы показать всем, что на нем еще рано ставить крест. Однако вскоре поймал себя на том, что ему интересно изучать законодательство, а потом и вообще стал делать успехи. Учеба побудила его к раздумьям. Так что, выйдя на свободу, Зак решил изменить свою жизнь. Он взялся за ум, стал работать, получил в Беркли юридическое образование, сдал квалификационные экзамены. Отец приложил все свое влияние и помог

ему снять судимость. Теперь Зак партнер фирмы «Нобл, Гольдман и Харкорт» в Вествуде. Это очень престижная юридическая фирма.

Элизабет попыталась переварить услышанное. Ей с трудом верилось в то, что только что ей поведал Сэм. Посмотрев в сторону сарая, она увидела, что к ним направляется Зак Харкорт – своей решительной, хорошо знакомой ей по благотворительному вечеру походкой. Он не сводил взгляда с ее лица, и от волнения у нее тотчас перехватило дыхание.

Зак остановился перед ними, и его смуглое худощавое лицо озарилось улыбкой.

– Добро пожаловать в «Тин Вижн», мисс Коннерс, – приветливо произнес он.

Элизабет снова попыталась отвести взгляд, но глаза сами скользнули по его широкой, покрытой каплями пота груди. Треугольник темных волос узкой дорожкой спускался вниз, к поясу, и скрывался за краем выцветших джинсов. Зак был превосходно сложен, подтянут и мускулист. Элизабет безуспешно попыталась внушить себе, что ей это безразлично.

– Извините, – проговорил Зак, перехватив ее взгляд. – Я не ожидал увидеть вас здесь. Пойду надену рубашку.

Элизабет посмотрела ему в глаза.

– Не беспокойтесь на мой счет. Я заехала сюда ненадолго. Хотела увидеть Рауля или передать ему привет.

Зак обернулся и посмотрел в сторону пастбища:

– Я сейчас схожу за ним.

– Нет, я сам схожу, – возразил Марстон. – Хочу поговорить сначала с Питом, а потом с ними обоими.

– Кто такой Пит? – спросила Элизабет, когда Сэм ушел.

– Педро Ортега. Он предпочитает, чтобы его называют на американский манер. Они с Раулем быстро нашли общий язык.

– Он хороший парень... я имею в виду Рауля.

– Немного грубоват. С ним порой трудно поладить, но так сначала бывает со всеми, кто сюда прибывает.

– Рауль совсем не такой. Он особый, не похож на других.

Зак удивленно выгнул бровь.

– Если он расположил вас к себе, то это, наверное, действительно так.

– Что вы хотите этим сказать?

– Это значит, что вас всегда отличала редкая проницательность. Вы еще в средней школе умели разглядеть в людях их истинную суть. Знаю это по собственному опыту.

Элизабет почувствовала, что краснеет.

– Это было давно.

– Я должен извиниться перед вами за тот случай. В тот день я вел себя по-свински, как последний идиот. Думаю, в ту пору я был малоприятным типом.

– А сейчас вы какой?

Зак улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

– Я искренне восхищаюсь тем, что вы делаете для обитателей фермы, – призналась Элизабет.

– Я ведь сам когда-то был таким, как они.

Элизабет заметила на его левой руке татуировку – свернувшаяся в кольцо змея, а ниже наколотый красной тушью девиз: «Рожденный диким».

– Я хотел вытравить татуировку, – пояснил он, – но затем все-таки решил оставить – как напоминание о том, что моя жизнь могла сложиться совсем иначе.

Элизабет задумалась. На первый взгляд Зак говорил правильные вещи, но Карсон, судя по всему, ему не доверяет, а что касается ее самой, то она еще ни в чем пока не разобралась, чтобы выносить собственные суждения.

– А вот и Рауль, – с облегчением произнесла она, увидев шагавшего к ним юношу, высокого и широкоплечего, ростом почти с Сэма Марстона. – Было приятно поговорить с вами.

– Я до сих пор виноват перед вами за тот давний случай возле кафе. Надеюсь, когда-нибудь вы позволите мне искупить мою вину.

А вот это вряд ли, подумала Элизабет.

– Извините, меня ждут дела. Спасибо за предложение.

Зак улыбнулся одними уголками рта.

– Кажется, я вспомнил, что мне нравилось в вас, Элизабет Коннерс. Вы не боитесь говорить правду.

Элизабет ничего не ответила. В средней школе она всегда была осмотрительна. После Брайана она стала еще более осмотрительной.

Когда Рауль подошел к ним ближе, Элизабет пригласила его к деревянному столику в тени дерева. Сев под раскидистым платаном, они начали разговор.

Элизабет была искренне рада вновь увидеть юного мексиканца. Ей было приятно слышать воодушевление в его голосе. В течение всего их разговора ее мысли лишь однажды перенеслись от Рауля к смуглому, загадочному мужчине, который вернулся к сараю, чтобы снова взяться за молоток.

Глава 5

Результаты томографии Марии Сантьяго прибыли в понедельник утром. Элизабет позвонила из кабинета доктора Цумвальта и сообщили, что никаких признаков опухоли, кровоизлияний или иных отклонений от нормы не обнаружено. Можно, конечно, провести дополнительное обследование, однако доктор Цумвальт уверен, что проблема связана с психикой, а не с телесной сферой.

– Вы можете позвонить миссис Сантьяго и сообщить ей об этом? – спросила Элизабет медсестру. Общение с медиками было частью ее работы психолога-консультанта по семейным вопросам. И случись так, что результаты обследования оказались бы положительными, медсестра тотчас бы поставила об этом в известность Элизабет.

– Я позвоню ей прямо сейчас, – пообещала помощница доктора Цумвальта.

Элизабет облегченно вздохнула. Впрочем, ощущение было мимолетным. Что бы там ни было, но проблема Марии никуда не делась, и им еще предстоит выяснить ее суть. Во всяком случае, похоже, что проблема эта действительно имеет психологическую, а не физическую природу. Оставалось надеяться, что доктор Джеймс поможет в ее разгадке.

Как только пациент Майкла вышел из кабинета, Элизабет зашла, чтобы поговорить с доктором.

– Опухоли не обнаружено, – коротко сообщила она. Они с Джеймсом договорились, что тот назначит Марии консультацию. Более того, ей удалось заручиться его обещанием, что он непременно поможет будущей матери.

– У меня сегодня во второй половине дня отменен один визит, так что, если сможет, пусть приезжает в три часа.

– Спасибо, Майкл.

Ее собеседник пригладил волосы.

– Мне нравятся эти Сантьяго. Трудолюбивые, добрые люди. Насколько мне известно, им нелегко приходится в жизни.

Верно. Им приходится нелегко. Трудно приходится Марии, вышедшей замуж в пятнадцать лет, трудно Раулю, который в последнее время постоянно попадает то в одну неприятную историю, то в другую.

– Согласна, им живется нелегко. Я передам ей, чтобы она приехала в три часа.

Мария приехала ровно в назначенное время на старом синем «форде» мужа. Элизабет вышла в приемный покой ее встретить. Они присели на обтянутый темно-коричневой кожей диван. Помещение было небольшим, но уютным. Здесь стояли кресло в тон дивану, низкий кофейный столик и еще один стол, на нем бронзовая лампа и стопка журналов, в основном по домоводству, слегка зачитанных и потрепанных.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась Элизабет у Марии. Та сидела, положив руки на огромный живот.

– Отлично. Правда, немного устала, только и всего, – призналась та.

Сегодня Мария выглядела очень даже хорошо – в розовых брючках и полосатой розовой блузке-распашонке. Черные волосы заплетены в одну длинную косу.

– Спишь теперь лучше?

Мария вздохнула.

– Если вы хотите знать, слышала ли я снова те самые голоса, то нет. Кроме того, Мигель приезжал домой раньше, чем я ложилась спать.

– По крайней мере, у тебя хотя бы появилась возможность нормально выспаться. Давай посмотрим, что скажет доктор Джеймс о твоём нынешнем состоянии. Хочется надеяться, он разберется, что с тобой происходит.

Мария поднялась с дивана.

– А вы... вы не сходите к нему вместе со мной?

– Мне кажется, доктор захочет поговорить с тобой наедине.

– Пожалуйста!

Элизабет посмотрела на стоявшего в дверях Майкла Джеймса.

– Все в порядке, Мария. Если мисс Коннерс свободна и желает присутствовать, то я не возражаю.

Мария бросила на Элизабет умоляющий взгляд. Та согласно кивнула в ответ. Все трое вошли в кабинет.

Женщины заняли места перед столом, Майкл уселся в кожаное кресло напротив. Он надел очки в черепаховой оправе и принялся изучать бумаги, которые вынул из лежавшей перед ним папки.

Сняв очки, он положил их на стол.

– Начну с того, Мария, что мисс Коннерс поведала мне о том, что с вами происходит в последнее время. Я полагаю, это дезорганизует вашу жизнь.

Мария вопросительно посмотрела на Элизабет, из чего доктор сделал вывод, что юная мексиканка его не поняла.

– Я подозреваю, что это вас сильно расстраивает, – сказал он. – Постоянная тревога сильно затрудняет вашу жизнь.

Мария кивнула:

– *Si*. Мне страшно. – С этими словами она крепко сжала сложенные на животе руки.

– Прежде чем мы перейдем к более серьезному обсуждению, предлагаю начать с чего-нибудь простого. У меня есть два коротких теста, которые я хочу предложить вам. Отвечайте искренне на каждый вопрос, да или нет, и тогда мы посмотрим, что из этого выйдет.

Мария кивнула. По всей видимости, ей удалось взять себя в руки. Следующие пятнадцать минут доктор задавал ей разные вопросы с первого листа бумаги, который он вынул из папки. Это были вопросы, призванные выявить симптомы депрессии.

– Отлично, Мария, мы на правильном пути. Возникало ли у вас в последние недели или месяцы беспокойство по поводу работы, семьи, денег?

Мария покачала головой:

– Нет. У Мигеля с работой все в порядке. У Рауля дела тоже наладились.

– Вы не потеряли интереса к тому, что вам обычно нравится?

– Нет. Я очень занята по дому, готовлю его к появлению ребенка.

– Испытывали вы грусть или отчаяние?

– Нет.

– Вы утратили интерес к сексу?

Смуглые щеки женщины окрасились легким румянцем.

– Мой муж очень темпераментный мужчина, но поскольку мы ожидаем ребенка... – Она отвела глаза. – Да, я все-таки испытываю желание.

Элизабет с трудом сдержала улыбку. Майкл снова посмотрел на лист с вопросами и продолжил.

– Вы часто плачете?

– В последнее время несколько раз, но только потому, что мне было страшно.

Майкл сделал какую-то запись и продолжил задавать вопросы:

– Вы раздражаетесь, когда общаетесь с другими людьми?

– Нет, вряд ли.

– Вы часто думаете о смерти?

Мария покачала головой:

– Я чаще думаю о моем будущем ребенке. Доктор говорит, что у нас будет мальчик.

Доктор Джеймс покосился на Элизабет, отложил первый вопросник в сторону и взялся за второй:

– Я предлагаю вам тест на выявление невроза. Отвечайте на вопросы, как и раньше, да или нет.

Мария кивнула и слегка выпрямилась на стуле.

– Испытываете ли вы иногда ощущение, что окружающие вас предметы – нереальные, непривычные, странные или имеют туманные очертания?

– *Si*. Да. По ночам... когда я остаюсь одна...

– Вы испытываете страх смерти или опасения, что с вами случится что-то ужасное?

– *Si*. И мне становится страшно.

– Вам становится при этом трудно дышать? Вы чувствуете, что задыхаетесь?

– Такое случалось со мной... да.

Доктор снова что-то записал на листке.

– Вы страдаете головными болями, болью в груди, приступами головокружения? Вас бьет дрожь?

– *Si*. Но только тогда, когда мне становится страшно.

– Вам никогда не казалось, что ноги не повинуются вам? Что они сделались ватными?

– Было, но только не совсем так. В последний раз, когда я слышала голоса, не могла двинуть ногами, не могла встать с кровати. Мне бы не удалось убежать в случае опасности.

Доктор Джеймс нахмурился.

– Вы испытывали учащенное сердцебиение?

– Да, конечно. Да. Мне казалось, будто сердце вот-вот выскочит из груди.

Доктор отложил листок и надел очки.

– Судя по вашим ответам, миссис Сантьяго, у вас классические признаки невроза. То, что вы чувствуете, на самом деле не происходит. Но испытываемый вами стресс заставляет вас принимать страхи за реальность.

– Но голоса, они ведь реальны?

– Нет, не реальны. Но вы не должны бояться. После того как вы поймете, что является причиной вашего невроза, голоса исчезнут навсегда.

Доктор Джеймс многозначительно посмотрел на Элизабет, и она поняла, что он просит ее выйти из кабинета.

– Доктор Джеймс обязательно поможет тебе, Мария. Тебе нужно лишь поговорить с ним, рассказать о своих страхах, быть честной сама с собой и своим прошлым. – Элизабет осторожно и вместе с тем ободряюще сжала плечо юной женщины. – Если ты приложишь усилия, то скоро почувствуешь себя значительно лучше.

Элизабет вышла из кабинета и закрыла за собой дверь. Судя по всему, у Марии действительно невроз. Майкл Джеймс прекрасный специалист и отлично знает свое дело. В должное время он выяснит истинную причину невроза. И как только причина станет окончательно ясна, можно будет приступить к соответствующему лечению.

Элизабет вернулась на работу. С одной стороны, она испытала некоторое облегчение. И в то же время тревога за состояние Марии никуда не исчезла. Скорее всего, тут не обошлось без семейных проблем. Мигелю Сантьяго – двадцать девять. Он взрослый мужчина, на десять лет старше своей молоденькой жены.

Он не агрессивен, но явно доминирует в семейных отношениях, что до сих пор не вызывало у Марии возражений. Ей ведь с самого детства постоянно внушалось, что мужчина – глава семьи, кормилец и защитник. Марии никогда бы и в голову не пришло с этим спорить, и ее брак с Мигелем вполне можно было считать счастливым.

Теперь же, после того, что Элизабет услышала в кабинете доктора Джеймса, у нее появились на этот счет большие сомнения.

– Что же мне надеть?

Неделя закончилась, и наступила суббота. Во второй половине дня в Сан-Пико было очень жарко, жгучие лучи солнца даже сквозь жалюзи проникали в окна спальни в квартире Элизабет на Черри-стрит.

– Надень черное вечернее платье, – посоветовала Гвен Питерсен, опускаясь на край кровати перед зеркальным шкафом.

– Что ж, а это идея!

Комната была обставлена недорогой мебелью, которую Элизабет купила сразу по окончании колледжа.

Она не планировала возвращаться в родной город и, вернувшись в Сан-Пико два года назад, так и не успела сделать эту квартиру своим настоящим домом.

– У Карсона такой шикарный дом, – продолжала щебетать тем временем Гвен. – А какие шикарные он устраивает обеды! Специально нанимает официантов. Мы с Джимом как-то раз были у него в гостях, правда, очень давно. Тебе определенно нужно надеть что-нибудь сногсшибательное.

Гвен пристально посмотрела на разложенные на кровати платья: одно из красного шифона с пышной юбкой, другое облегающее из тонкого голубого шелка, с умеренным вырезом и небольшими рукавами фонариком, и третье – простое, элегантное, облегающее, из черного шелка.

– Черное подойдет идеально. Это неумирающая классика, и вообще, черный цвет – это так сексуально!

– Я тоже так думаю. Мне оно тоже нравится. К нему я всегда надеваю мамин жемчуг.

– Супер! – Гвен встала с кровати, взяла вешалку с черным платьем и приложила его к Элизабет. – Классно смотрится! Это большое везение, что тебе все еще впору платья, которые ты купила в Лос-Анджелесе. В Сан-Пико ничего подобного не сыщешь даже днем с огнем.

Черное облегающее платье, длиной до колена, имело глубокий вырез, правда, на спине.

– Согласна, но ведь потребность в такой одежде возникает крайне редко.

– Это так, но ведь ты начинаешь встречаться с Карсоном Харкорттом. Так что красивые платья в гардеробе тебе не помешают, причем не только это, а чем больше их будет, тем лучше.

– В мои планы не входит завязывать серьезные отношения с Карсоном. Я его едва знаю.

– Но ведь, согласишься, это было бы неплохо? Я бы даже сказала, просто прекрасно, если бы между вами возникли отношения. Карсон богат, пользуется уважением в обществе. Короче, настоящая находка для незамужней женщины.

– Я не собираюсь никого искать. Не хочу цепляться ни за Карсона, ни за какого-то другого. У меня уже был муж, хватило на всю жизнь.

Гвен прижала платье к себе и посмотрелась в зеркало. Юбка была великовата для ее хрупкой фигурки, однако черный цвет выгодно подчеркивал бледное лицо и короткие рыжие волосы.

– Не все мужчины такие, как твой бывший. Знаешь, мой Джим тоже ужасный муж.

– Что ты говоришь! Да такие, как твой Джим, попадаются в одном случае из десяти тысяч. К несчастью, у меня просто нет времени, чтобы перебрать девять тысяч девятьсот девяносто девять мужчин, чтобы найти такого, как он.

– Ну, ты преувеличиваешь! – рассмеялась Гвен. – В Сан-Пико немало симпатичных и покладистых мужчин.

– Может быть, – ответила Элизабет и достала обувную коробку, в которой лежала пара черных туфелек на высоком каблуке. – До сих пор лично мне в этом не везло. Кроме того, не каждой женщине для счастья непременно нужен мужчина. У меня есть работа, карьера. Есть

друзья, такие как ты и Джим. Моя жизнь вполне меня устраивает, и я не намерена что-то в ней менять.

– А дети? Неужели тебе не хочется иметь детей? Дети – разве это не веская причина для того, чтобы найти себе мужа? Если, разумеется, ты не из тех современных женщин, готовых забеременеть и воспитывать ребенка в одиночку.

– Я не из тех современных женщин, поверь мне.

Когда она вышла замуж за однокурсника по колледжу, Брайана Логана, ей страстно хотелось иметь детей. Но Брайан всегда повторял, что с этим не стоит спешить, что заводить детей им еще слишком рано. Сначала нужно встать на ноги, добиться первых успехов в работе. Да и денег пока лишних тоже нет, и он сам еще не готов стать отцом.

В конечном итоге они развелись прежде, чем у нее появилась возможность забеременеть. Теперь, когда Элизабет исполнилось тридцать, ее биологические часы ускорили свой бег. Она отказалась носить фамилию бывшего мужа, вновь взяла девичью и больше не желала попадать под влияние какого бы то ни было мужчины. Из чего следовало, что тем самым она окончательно лишала себя потенциальной радости материнства.

– Я бы с радостью завела детей, – ответила Элизабет. – Но не раньше, чем встречу такого мужчину, который будет готов разделить со мной долгий жизненный путь. Никаких новых разводов я не хочу. Это не для меня. Хватит. Да мы с тобой обе хорошо знаем, что таких мужчин раз-два и обчелся. Так что рисковать не стоит.

Гвен не стала спорить. Она знала взгляды Элизабет на брак, и никакие дискуссии не способны заставить ее изменить точку зрения.

– Слушай, мне пора, – заявила она и взяла сумочку, лежавшую на комод. – Позвони мне завтра. Расскажешь, как все было. – Гвен улыбнулась. – И все-таки я надеюсь, Лиз, что твоя жизнь еще изменится к лучшему, хочешь ты этого или нет.

Элизабет улыбнулась.

– Конечно, позвоню. Обещаю тебе. Но ты не слишком заводишь и не воображай ничего особенного. Это самое обычное свидание, не более того.

– Точно. Ты, как всегда, права. Пока!

Гвен шагнула за порог, и Элизабет услышала, как со стуком закрылась входная дверь. Они с Гвен знали друг друга еще со школы. А после того как Элизабет вернулась в Сан-Пико, их дружба продолжилась и даже упрочилась.

Дружба. Это, пожалуй, единственное, что удерживало Элизабет в маленьком уродливом городке ее детства. Хорошие люди. К их числу относилась и Гвен Питерсен. А в ее воображении снова возник образ Карсона Харкорта – высокого, светловолосого и симпатичного. Карсон произвел на нее впечатление хорошего человека. Похоже, она не обладает полным иммунитетом к присутствию мужчины в ее жизни. А значит, сегодняшний вечер может оказаться очень даже приятным и интересным.

Глава 6

Элизабет прошла через всю гостиную, чтобы открыть дверь, в которую только что постукали. На крыльце стоял Карсон. В светлых брюках и легкой голубой рубашке, он выглядел одетым слегка небрежно и вместе с тем стильно. Через руку у него был переброшен темно-синий пиджак.

– Готовы?

– Сейчас захвачу сумочку, – ответила Элизабет и, взяв черную сумку, идеально подходящую к туфлям на высоком каблуке, закрыла за собой входную дверь.

Карсон проводил ее к серебристому «мерседесу».

– Кстати, вы потрясающе выглядите, – сделал он ей комплимент и, распахнув дверцу автомобиля, подождал, когда она усядется на сиденье. – Великолепное платье.

– Честно говоря, я не знала, что надеть. К счастью, пока я жила в Лос-Анджелесе, у меня собрался довольно приличный гардероб. Мой муж был биржевым брокером с большими амбициями. И хотел, чтобы у его жены был правильный, по его мнению, образ. Чтобы ее внешний вид соответствовал его высокому статусу.

– Большая часть женщин, живущих здесь, часто ездят за покупками в Лос-Анджелес.

Большая часть женщин, вышедших замуж за мужчин с деньгами, – явно хотел сказать Карсон. Элизабет больше не нужно было исполнять роль жены богатого мужа, предписанную ей Брайаном, хотя следовало признаться, что она рада тому, что дорогие наряды ей все-таки пригодились и ей есть в чем выйти на люди сегодня вечером.

Дорога из города до фермы не заняла много времени. Карсон оставил машину в просторном гараже, рассчитанном на четыре машины, после чего проводил ее к парадному входу в дом. Огромное белое здание с широким парадным крыльцом со стороны шоссе выглядело внушительно. Теперь же взгляду Элизабет предстало внутреннее убранство дома, в котором, кстати, совсем недавно был сделан ремонт. Новая краска, новые занавески, новая мебель, представлявшая собой приятное сочетание мягких диванов и антиквариата викторианской эпохи. Дополнительную красоту, если не сказать, шик убранству дома придавал пол из дубовых досок. С высоких потолков с лепниной свисали антикварные люстры.

К созданию интерьера явно приложил руку профессиональный дизайнер, приглашенный из Лос-Анджелеса. Была продумана каждая деталь. Каждая мелочь. Стильно. Красиво. Дорого.

– У вас такой красивый дом, Карсон. Как будто с картинки в модном журнале.

– Спасибо. Я хотел, чтобы он смотрелся красиво и не отпугивал людей.

Он провел ее в одну из двух гостиных, оборудованную барной стойкой. Официант в черных брюках и белой накрахмаленной рубашке налил ей бокал холодного шампанского. Это был «шрамсберг», сорт калифорнийского шампанского, один из самых дорогих.

Затем Карсон провел ее по первому этажу здания и в числе прочего показал оборудованную по последнему слову техники кухню, где полдюжину поваров колдовали над приготовлением обеда, а затем в свой кабинет, элегантно обшитый деревянными панелями. Когда они вернулись в гостиную, Элизабет увидела, как к дому подъехал огромный черный лимузин.

– Похоже, что это они. Три супружеские пары прилетели на частном самолете. Я взял два лимузина напрокат в Ньюхолле, чтобы встретить их и привезти сюда. На втором привезут семью Кастенадо из Лос-Анджелеса.

– Я слышала, что у вас тут на ранчо есть своя взлетная полоса.

Карсон кивнул.

– К сожалению, она не настолько велика, чтобы принять частный двухмоторный самолет, но для других самолетов, размером поменьше, вполне годится.

– Вы сами управляете самолетом?

– Я подумывал о том, чтобы брать уроки пилотирования, но все никак не удается выкроить время.

Они вышли в фойе. Здесь Карсон распахнул стеклянные двери, чтобы впустить прибывших гостей. Четвертая пара прибыла через несколько минут. Возраст приглашенных колебался в диапазоне от тридцати пяти до шестидесяти лет. Хозяин познакомил их друг с другом, после чего провел в гостиную.

Элизабет мысленно похвалила себя за то, что остановила выбор на черном платье. Остальные четыре женщины были одеты в равной степени дорогие наряды. Две были в брючных костюмах с блестками, одна в нарядном платье до колена, четвертая – в простом узком облегающем платье, похожем на ее собственное.

Все немного поговорили, затем Карсон жестом собственника положил руку на плечо Элизабет.

– Если дамы не возражают, то прежде, чем мы приступим к ужину, мужчины обсудят несколько деловых вопросов. Мы скоро вернемся.

Не дожидаясь согласия дам, четыре джентльмена удались вслед за хозяином.

Элизабет повернулась к остальным женщинам, приняв на себя роль хозяйки дома.

– Вы впервые в Сан-Пико?

– Да-да, мы все здесь впервые, – призналась женщина в нарядном платье, Марианна Хобсон, жена Чарльза Хобсона, торговца недвижимостью из округа Ориндж. – Тем не менее мы уже давно знаем Карсона.

– У него восхитительный дом, – заметила другая гостья, Милдред Кастенадо, высокая, монументального сложения дама испанского происхождения. Казалось, ее темные глаза пожирали взглядом каждую деталь обстановки.

– Да, это верно, – согласилась с ней Ребекка Майерс. Бекки, так попросила себя называть эта симпатичная интеллигентная женщина. Ее муж, Тед Майерс, был исполнительным директором крупной фармацевтической фирмы. – Мне особенно нравится лепнина на потолке, превосходная работа.

– Вы давно знакомы с Карсоном? – поинтересовалась четвертая гостья, с серебристо-седыми волосами и тонкими губами. Она была самой старшей, и ее звали Бетти Симино. Ее муж был также старшим среди собравшихся мужчин.

– Мы знакомы несколько лет, – ответила Элизабет. Ей не понравился оценивающий взгляд, которым ее удостоила голубоглазая Бетти. – Но в его доме я впервые. Совершенно согласна с Милдред. Дом просто очарователен.

– Это я порекомендовала ему дизайнера, – с гордостью сообщила Милдред. – Его зовут Энтони Басс. Он просто замечательно поработал в этом доме.

– Совершенно верно.

Разговор зашел на тему интерьеров. Миссис Симино отпустила лишь одну-единственную ремарку относительно природы отношений Элизабет и Карсона, которых, по сути дела, не существовало.

Элизабет поймала себя на том, что время от времени бросает взгляды в сторону кабинета, ожидая возвращения хозяина дома. Ей очень хотелось, чтобы он вернулся как можно скорее.

Карсон обвел взглядом мужчин, занявших места в уютных кожаных креслах его кабинета. Старший среди гостей, Уолтер Симино, заместитель председателя калифорнийского отделения республиканской партии, поставил стакан с виски на кофейный столик напротив дивана.

– Вы знаете, Карсон, зачем мы здесь сегодня собрались. Женщины ждут нас, и впереди у нас ужин. Не вижу смысла осторожничать. Мы прибыли сюда по одной причине – убедить вас баллотироваться на пост председателя законодательного собрания штата.

Они подробно обсудили этот вопрос, и Карсон высказал свое мнение насчет будущих выборов. Не вставая с кресла, он подался вперед и обвел взглядом каждого из присутствующих.

– Я чрезвычайно польщен вашим предложением, господа, и вы все это прекрасно знаете. Однако занятие политикой не терпит спешки. Нужна постепенность. Чтобы заниматься политикой, нужно пройти через долгие годы борьбы, проявить верность своему делу, преодолеть немало трудностей.

– Верно, так оно и есть, – откликнулся Тед Майерс, высокий мужчина с редкими каштановыми волосами. – Но то, что мы задумали, будет стоить этой тяжелой работы и, вообще, потребует не так много времени, как вы считаете.

– Мы говорим о чем-то большем, нежели кресло депутата в законодательном собрании штата, – сказал Уолтер и многозначительно посмотрел Карсону в глаза. – Такой человек, как вы, с вашей репутацией, имеет все шансы на следующих выборах занять кресло председателя законодательного собрания нашего штата. Затем, имея необходимую поддержку, вы можете рассчитывать на место в Конгрессе США. У вас для этого идеальный возраст, Харкорт, вам всего тридцать шесть лет. Вы обладаете представительной внешностью и несомненной харизмой, ваше прошлое представляется абсолютно безупречным, у вас есть связи, которые помогут вам пробиться на вершину политического Олимпа.

Карсон был того же мнения. У него имелись связи, которые он завел еще в те годы, когда учился в университете. Если иметь нужные мотивы и заручиться поддержкой нужных людей... В его воображении возник Белый дом, однако он тут же выбросил эту мысль из головы. Слишком рано даже думать об этом. И все же, как сказал Уолтер, в обозримом будущем каких-то пределов его политической карьеры пока не видно.

– Есть, правда, один щекотливый момент, – произнес Пол Кастенадо и смущенно посмотрел на Карсона. Тот сразу понял причину его неловкости – эта немезида преследовала его еще с детских лет.

– Мой брат.

– Верно, угадали. Нужно привлечь Зака в нашу команду. Ни для кого не секрет, что у вас с ним далеко не самые лучшие отношения. Было бы не совсем правильно, если бы Зак стал вашим политическим конкурентом.

Карсон постарался сохранить внешнее спокойствие.

– Этого я не могу гарантировать, – произнес он по возможности ровным голосом. – Зак абсолютно непредсказуем. Он всегда был таким.

– Возможно, – ответил Уолтер. – И все-таки, Карсон, при правильной мотивации, думаю, нам удастся убедить его в том, что он просто обязан вас поддержать. Вот по этой причине я и попросил вас пригласить его сюда сегодня вечером.

К великому удивлению Карсона, Зак принял его приглашение. Что, честно сказать, лично ему не понравилось. Однако факт остается фактом, эти люди правы. Не хотелось бы, чтобы сводный брат начал мешать его политической карьере. Ведь в глазах окружающих они просто братья.

Пока остальные гости молча ожидали дальнейшего развития событий, Тед Майерс вышел из комнаты и через несколько минут вернулся вместе с Заком. Майерс закрыл за ним дверь.

Уолтер указал ему на свободное кресло, но Зак сел в другое, стоявшее ближе к выходу.

– Я пришел, как вы и просили, – сказал он. – Чем могу быть вам полезен, господа?

Его бархатистый баритон неизменно вызывал у Карсона раздражение.

– Спасибо, что пришли, Зак, – с дружелюбной улыбкой произнес Чарльз Хобсон. Он неплохо знал Зака. Благодаря адвокатской деятельности Зак Харкорт был знаком со многим влиятельными людьми Южной Калифорнии. – Позвольте мне познакомить вас с присутствующими и рассказать, для чего мы здесь собрались.

То, для чего они собрались в доме Карсона, Зак понял уже через пару минут. Эти люди рассчитывали заручиться его обещанием поддержать брата на выборах. Расчет был на то, что Карсон позднее окажет серьезную поддержку и ему самому. Сделка типа «услуга за услугу». Зак соглашается поддержать кандидатуру брата, задумавшего баллотироваться на пост председателя законодательного собрания штата. В обмен на это Карсон использует все свое влияние и помогает ему стать судьей округа Лос-Анджелес. Его доходы при этом останутся такими же, как и сейчас, зато он получает немалую власть и самые широкие перспективы. Так или примерно так считают Уолтер Симино и остальные члены комитета. Пост судьи сулит большие перспективы.

– Если Карсона выберут, – заявил Симино, – он станет чрезвычайно влиятельным человеком. Если же он до бьетса переизбрания после первого срока, то в будущем займет место в сенате штата, и его влияние еще больше усилится. Нельзя исключать и того, что следующей ступенькой в карьерной лестнице станет Верховный суд Калифорнии.

Эти парни забрасывают сильную приманку. Но можно подумать, он им так и поверил! Так что большую часть разговора он хранил молчание, отделяваясь односложными ответами. Он слушал речи гостей и размышлял о политической карьере брата. Да, до него доходили кое-какие слухи, но он никогда не задавал Карсону никаких вопросов. Теперь же, когда выяснилось, что слухи имеют под собой основание, желание брата пролезть в политику его ничуть не удивило.

Уже сейчас сидевший напротив него Карсон сиял лицемерной улыбкой профессионального политика.

Когда в разговоре возникла очередная пауза, Зак поднялся с кресла.

– Полагаю, что я услышал достаточно. Признаюсь честно, ваши предложения не вызвали у меня ни малейшего интереса, даже предложение занять пост судьи. В том, что касается предвыборной кампании, я не обещаю никакой поддержки.

Карсон напрягся, и улыбка моментально слетела с его лица.

– С другой стороны, я обещаю, что не стану делать ничего такого, что повредило бы Карсону в предвыборной борьбе. Я не стану участвовать в мероприятиях, которые имели бы для него конкурентный характер, не стану поддерживать его политических противников. Это самое большее, чем я могу поспособствовать его политической карьере. Счастливого оставаться. Желаю вам провести приятный вечер, господа.

И Зак направился к выходу.

– А как же ужин? – растерялся Карсон, явно задетый тем, что брат уходит.

– Спасибо, но я уйду. Сегодня слишком жарко. Если не возражаешь, я выпью что-нибудь в баре. – С этими словами он вышел из кабинета и вернулся в гостиную. Уже ближе к выходу он заметил возле барной стойки Лиз Коннерс, которая разговаривала с какой-то женщиной.

Движимый любопытством, он тоже подошел к стойке.

– Диетическую колу с лаймом, – попросил он бармена.

– Сию секунду, – ответил тот и налил колу в высокий хрустальный бокал.

Зак взял его, отпил глоток и посмотрел на Лиз. В разговоре женщин возникла короткая пауза. Лиз отошла в сторону. Зак воспользовался моментом и шагнул к ней.

– Зак Харкорт... Скажу честно, я не рассчитывала увидеть вас здесь.

– Почему же? Не считаете меня человеком, склонным к политике?

– Не считаю.

– Тогда вы правы. Вообще-то я уже уйду. Просто решил подойти к вам и поздороваться.

Взгляд Элизабет скользнул по его лицу, как будто она пыталась проникнуть в его мысли. Заметив бокал в его руке, она удивленно приподняла бровь.

– Диетическая кола, – пояснил Зак. – Я изредка употребляю спиртное, но за рулем – никогда. Я никогда не был наркоманом или алкоголиком, просто было время, когда в моей голове гулял ветер.

– Значит, вы сильно изменились.

– В общем, да, я изменился. Надеюсь, что никогда не стану таким занудой, как мой обожаемый братец.

Губы Элизабет слегка скривились. У нее красивые губы, подумал Зак, пухлые и розовые.

– Вы не слишком-то жалуете друг друга, я угадала? – спросила Элизабет.

Он обратил внимание, что сегодня она выглядит потрясающе, даже шикарнее, чем в тот вечер, когда проводился сбор пожертвований для «Тин Вижн». Интересно, подумал Зак, откуда у простого психолога по семейным вопросам деньги на такие дорожные наряды? Может, это подарок его брата?

– Обычно я стараюсь не думать о Карсоне. Скажите, у вас с ним отношения?

Элизабет сделала глоток шампанского.

– Вы имеете в виду, встречаемся ли мы?

– Я имею в виду, вы с ним спите?

Как он и ожидал, Лиз напряглась. С чего он это взял?

Зак понимал, что дразнит ее. И все же по какой-то неведомой ему самому причине, рассчитывал получить от нее ответ.

– Знаете, Зак, мне кажется, вы несколько не изменились, хотя и пытаетесь убедить меня в обратном.

Кстати, Зак сам подозревал, что так оно и было. Он не слишком изменился с тех давних пор.

– Может, вы правы. – Он сделал глоток колы. – Так вы не ответите на мой вопрос?

– Мои отношения с вашим братом вас не касаются.

Зак отвел глаза, пытаясь представить себе Лиз Коннерс в постели с Карсоном.

– Мы друзья, – добавила она. – Мы даже толком не знаем друг друга.

– Да что вы говорите! – улыбнулся ее собеседник.

– Послушайте, Зак. Я знаю, что вы не ладите с Карсоном. Мне кажется, что, демонстративно обращая на меня внимание, вы стараетесь разозлить его. Я точно не знаю, но...

– Мой интерес к вам не имеет ничего общего с Карсоном, – перебил ее Зак, с удивлением отметив про себя, что вообще-то она попала в точку. – Я... я не знаю. Я всегда думал, что вы не такая, как все. Пожалуй, мне просто хочется в этом убедиться.

– И к какому выводу вы пришли?

Краем глаза Зак увидел, что брат и остальные мужчины возвращаются в гостиную.

– Не знаю, – ответил он и, сделав долгий глоток, поставил бокал на стойку. – Желаю вам получить удовольствие от ужина. Карсон привозит сюда лучших поваров из Лос-Анджелеса.

С этими словами он направился к выходу. На какой-то миг у него возникло ощущение, что Лиз Коннерс смотрит ему вслед. Впрочем, скорее всего, это лишь игра воображения.

Высокая стройная фигура Зака Харкорта исчезла за дверью, и Элизабет Коннерс отвела взгляд в сторону. Ею все еще владело легкое напряжение. Этот короткий разговор в известном смысле был подобен электрическому разряду. Зак знает, как уколоть ее в самое больное место, как задеть за живое, и в то же время смотрит на нее так, будто она ему определенно нравится. Это одновременно и раздражало, и интриговало ее.

Возможно, что у Зака Харкорта больше нет проблем с алкоголем и наркотиками. Но все равно он вызывал неприятные чувства, как будто до сих пор оставался прежним, неуправляемым и дерзким подростком.

И все же, к чему кривить душой, есть в нем нечто притягательное. Чувствовалось в нем нечто загадочное и темное, нечто такое, что делало его чертовски привлекательным. Похоже, женщинам во все времена нравились плохие парни. Наверное, на подсознательном уровне она испытывает к Заку точно такое же влечение.

В следующий миг Элизабет заметила, что к ней направляется Карсон, и бросила взгляд в его сторону. Он, должно быть, перехватил ее взгляд, потому что тотчас же недовольно поджал губы.

– Надеюсь, мой брат не испортил вам настроения. Временами он бывает просто невыносим.

Элизабет вспомнился тот день у входа в кафе «У Марж».

– Я думала, что он изменился с тех пор.

– Зак стал адвокатом. Что тут еще скажешь?

Элизабет искренне рассмеялась его словам. Это точно, адвокатов никто не жалуется. Интересно, а Зак хороший адвокат? На ее взгляд, он излишне откровенный и чересчур язвительный. Это явно не те качества для работы, которая обычно требует сдержанности и осторожности, в том числе и в выборе слов.

– Обед готов, – сообщил Карсон. – Почему бы нам не перейти в столовую?

– Отличная идея. Я умираю с голоду, – с улыбкой призналась Элизабет и решила, что ей стоит выбросить Зака Харкорта из головы.

Прошел час, но это ей так и не удалось.

Глава 7

Слава богу, вечер подошел к концу. Хотя в целом Элизабет осталась довольна, роль неофициальной хозяйки дома убедила ее в том, что «работа» жены политика чертовски трудна.

Поскольку Карсон за обедом пил вино, а затем ликер, после того, как оба лимузина отвезли гостей на взлетно-посадочную полосу, он не стал сам садиться за руль и приказал отвезти Элизабет домой на длинном черном «кадиллаке».

Карсон проводил ее до парадной двери. Может, стоит пригласить его к себе, подумала Элизабет. Однако было уже слишком поздно, она изрядно устала и потому решила, что продолжать вечер в обществе Карсона было бы слишком утомительно.

– Спасибо за великолепный вечер, Карсон.

– Это я должен вас благодарить. Вы очаровательны, Элизабет. Вы сумели расположить гостей к себе и развлекали женщин, пока мы своим мужским кругом обсуждали важные вопросы. Что бы я делал без вас!

Элизабет прекрасно понимала, что Карсон сам устраивал не один десяток таких званных обедов, но все равно ей было приятно услышать такой комплимент.

– По-моему, все прошло замечательно. И ваши гости приятно провели вечер.

Карсон улыбнулся.

– Надеюсь.

Подавшись вперед, он сначала осторожно, а затем более решительно и крепко поцеловал ее. Закинув руки ему на шею, Элизабет ответила на его поцелуй. Как ни странно, при этом она испытала весьма слабое удовольствие. Карсон был симпатичным мужчиной, и все же, когда он отпустил ее и отступил назад, она не испытала разочарования.

– Я позвоню вам, – пообещал он.

Элизабет коротко кивнула:

– Спокойной ночи.

Оставшись на крыльце, Карсон наблюдал за тем, как его гостя садится в машину. Элизабет же думала о его поцелуе и удивлялась собственной реакции. Обычно в таких ситуациях между людьми возникает нечто вроде электрического разряда, Увы, в случае с Карсоном она ничего не испытала.

Элизабет вспомнился неприятный разговор с его братом и то, как Зак Харкорт смотрел на нее: казалось, жар его глаз способен прожечь ее платье насквозь. Ей было страшно признаться самой себе, что этот жадный взгляд ей определенно льстил.

Тишину жаркой летней ночи нарушал стрекот цикад. Звезды на черном бархате неба казались россыпью крошечных бриллиантов. Зак никогда не видел подобного в Лос-Анджелесе. Эти полные умиротворения ночи, подумал он, пожалуй, самое лучшее, что есть в таком пыльном захолустном городке, как Сан-Пико.

Поднявшись на крыльцо, Зак открыл ключом входную дверь массивного одноэтажного кирпичного дома, принадлежавшего Лизе Дойл. Расположенный в одном из лучших районов города, дом был очень даже неплох – три спальни, на заднем дворе устроен бассейн. Дом достался Лизе после развода, точнее, после второго брака. Лиза обладала несомненным талантом расставаться с мужчинами с выгодой для себя.

Вспомнив о нескольких браках Лизы, Зак решил, что это еще один подвод оставаться холостяком.

В гостиной было темно. Она уже ждет его в спальне, он знал это наверняка. Лизу отличал редкий сексуальный аппетит, на порядок больший, чем у всех остальных женщин. В принципе

на это ему было грех жаловаться, за исключением того, что, когда дело касалось мужчин, Лизе явно не доставало разборчивости. Чего не скажешь о нем самом.

Зак уже снял спортивную куртку и направился к двери спальни, когда в голове у него мелькнула неожиданная мысль: черт побери, у него нет ни малейшего желания находиться здесь сегодня ночью. Точно такая же мысль посетила его на прошлой неделе, по той же странной причине, но теперь она оформилась в его сознании с удивительной четкостью.

Тем не менее он сообщил Лизе, что будет в городе, а значит, почему бы им не встретиться? Кроме того, короткая встреча с Лиз Коннерс пробудила в нем жгучий сексуальный аппетит, утолить который он, увы, сможет лишь с другой женщиной.

– Я думала, что ты не придешь, – призналась Лиза, когда он вошел в спальню. – Я вся горю. У меня крышу сносит от желания потрахаться. Как ты?

В данный момент на ней были только красные трусики. Она подставила губы для поцелуя, и Зак ответил на это немое приглашение. Лиза, словно хищница, тотчас схватила его за пах и через брюки массировала его член до тех пор, пока тот не отвердел.

Тем не менее Зак почему-то так и не смог возбудиться, как следует. Ему не давала покоя мысль о том, что сейчас будет еще один час бессмысленного, животного секса. Он безжалостно напомнил себе, что за этим он и приехал в этот дом. Более того, такие отношения его всегда устраивали – никаких привязанностей, никаких взаимных обязательств.

Но даже когда Лиза подвела его к кровати и раздела, его мысли почему-то снова вернулись к Лиз Коннерс. Как хороша она была этим вечером, как женственна и как не похожа она была на Лизу Дойл! Зак тряхнул головой, пытаясь избавиться от манящего образа и сосредоточить внимание на роскошной блондинке с огромными зелеными глазами и потрясающей фигурой.

Как ни странно, но это оказалось совсем не просто.

Лиза умела свести мужчину с ума разнообразием плотских утех, которыми – надо отдать ей должное – владела в совершенстве. Но теперь и Зак прекрасно знал весь арсенал ее любовных затей, и его реакция на них и его чувства уже успели порядком притупиться.

«Что я здесь делаю? Почему я здесь?» – спрашивал он себя, но так и не мог найти убедительные ответы на эти мучительные вопросы.

– В чем дело, дорогой? Ты устал?

Уже полностью обнаженный Зак стоял возле кровати. Лиза открыла лежащий на прикроватном столике пакетик, извлекла из него презерватив и ловким движением натянула на пробудившийся к жизни член Зака. Затем подтолкнула его, чтобы он навзничь лег на кровать, а сама уселась сверху.

– Все в порядке. Я с огромным удовольствием все сделаю сама.

И он позволил ей сделать все самой. Впрочем, ничего другого ему не оставалось. И хотя в последнее время он уже не был прежним Заком Харкортон, не был он и святым. Он закрыл глаза и позволил Лизе творить чудеса. Она умело довела их обоих до оргазма, но, когда ей захотелось повторения, Зак откатился в сторону:

– Мне нужно поспать, Лиза, извини.

Та что-то недовольно проворчала и, свернувшись калачиком, легла рядом. Зак долго лежал молча и, несмотря на усталость, никак не мог уснуть.

В субботу утром Зак снова отправился на ферму «Тин Вижн». Постройка сарая шла полным ходом, и уже были видны результаты его совместного с воспитанниками фермы труда. Зак поймал себя на том, что мечтает поскорее надеть плотницкий пояс и снова начать приколачивать доски.

Подъем на ферме был ранний, и питомцы «Тин Вижн» уже были заняты работой. На участке земли в пятнадцать акров выращивались разнообразные сельскохозяйственные куль-

туры, требовавшие внимания и ухода. В саду можно было увидеть персики, абрикосы, апельсины, лимоны, миндаль и фисташки. Пять акров были отведены под люцерну, предназначенную на корм скоту.

Обитатели «Тин Вижн» также имели в своем распоряжении участок земли, где выращивали кукурузу, которую затем продавали местным бакалейным магазинам. Здесь также держали кур, четырех молочных и четырех мясных коров. Ферма была на самоокупаемости и почти полностью обеспечивала свои потребности в продуктах питания. В общем, у ее обитателей были все основания гордиться результатами их совместного труда.

Помимо ежедневных хозяйственных работ, жившие здесь подростки посещали лекции и учебные занятия, на которых им главным образом разъясняли опасные последствия употребления алкоголя и наркотиков. Зак сам несколько раз выступал перед подростками с такими лекциями. Надо сказать, его откровенный рассказ о мрачных страницах собственной юности помог ему расположить к себе юных обитателей «Тин Вижн», которые тотчас прониклись к нему уважением.

После его последнего выступления Рауль Перес остался, чтобы поговорить с ним. Юный мексиканец хотел знать, верит ли Зак, что ему удастся сдать тесты по программе средней школы и после этого поступить в колледж.

– Думаю, у тебя есть для этого все возможности, Рауль. Правда, потрудиться придется немало, но, поверь, ничего невозможного в жизни нет. Говорю это тебе на основании собственного опыта.

Рауль улыбнулся. Похоже, он был настроен оптимистично. Нет, Лиз Коннерс не ошибается в отношении этого паренька, подумал Зак, из него явно будет толк. Есть в нем нечто такое, что отличает его от остальных, хотя Зак не мог понять пока, что именно.

Вылезая из джипа, он заметил, как Рауль ходит по пастбищу, крепкий, хорошо сложенный юноша, крутой с виду, но, по своей сути, более глубокий, чем его новые товарищи, и не такой простой. Надо лишь внимательнее присмотреться к нему, и тогда станет понятно: Рауль нуждается в том же самом, что и он в подростковом возрасте, – в близком человеке, который мог бы позаботиться о нем, поддержать в трудную минуту.

Заку было известно, что отца парень не знал, а матери лишился рано. Сестра и ее муж – единственные родственники Рауля на данный момент.

У Зака были родители, если их можно так назвать. Но его мать, Тереза Берджесс, была занята тем, что ублажала Флетчера Харкорта – по меньшей мере в начале их отношений, – и ей всегда было не до сына. Заку было девять лет, когда родители порвали многолетние отношения, и отец пожелал взять сына под свою опеку.

Тереза согласилась на это, правда потребовав кое-что взамен. По сути дела, она продала Зака за автомобиль и небольшой дом, которые Флетчер еще раньше купил для нее и сына. Отец забрал Зака к себе в свой особняк, но вместо радости обитания под отцовской крышей, жизнь мальчика превратилась в сущий кошмар.

Зак подошел к небольшой бытовке, чтобы переодеться и нацепить плотницкий пояс. Заметив его, Рауль быстро зашагал в его сторону.

– Помощь требуется? – поинтересовался юный мексиканец.

– Я думал, ты собрался кормить коров.

– Уже покормил. И мясных, и молочных тоже. Так что, если хотите, могу помочь. Я неплохо обращаюсь с молотком.

Зак уже обратил внимание, что парень действительно ловко справляется с самой разной работой, причем получает от этого явное удовольствие, да и трудных дел тоже не чурается.

– Отлично. Чем больше у нас будет помощников, тем скорее мы достроим этот сарай. Сэму до конца лета потребуется помещение для хранения люцерны.

– Отличная идея, – отозвался Рауль. Пройдя вслед за Заком в бытовку, он взял плотницкий пояс, молоток и гвозди, после чего оба направились к строящемуся сараю. Рауль на мгновение замедлил шаг. Его взгляд скользнул по полям, а затем в противоположную сторону, где на зеленом фоне виднелись яркие пятна цветов.

– Что это?

– Розы. В это время года они особенно красивы.

На землях «Харкорт фармз», на краю владений «Тин Вижн», цвели розы. С высоты птичьего полета эта часть долины являла собой пестрый ковер желтых, красных, розовых и белых пятен. С мая по сентябрь ветер доносил с розовой плантации пьянящий аромат.

Зак обожал этот аромат. Возможно, в Сан-Пико было все-таки две хорошие вещи.

Глава 8

Марии никак не удавалось уснуть. Мигель снова работал допоздна, и дом казался пустым и нежилым. Переехав с мужем на «Харкорт фармз», Мария познакомилась с несколькими женщинами, но большая их часть, когда мужьям предложили новую работу, вскоре перебралась на новое место. Ее лучшей подругой была молодая женщина по имени Изабель Флорес, которая работала домоправительницей у мистера Харкорта и потому жила в роскошном особняке. Хотя Изабель была всего на несколько лет старше Марии, ее взяли работать к мистеру Харкорт. Ей приходится следить за домом... и удовлетворять его личные потребности.

Изабель рассказывала, что ей нравится работать в большом доме и мистер Харкорт заботится о ней. Она не возражает, когда он иногда приходит в ее спальню. Ей это даже приятно. Она соблюдает осторожность, предохраняется, призналась Изабель. И хотя она вынуждена по воскресеньям каяться в этом грехе на исповеди в церкви, она принимает противозачаточные пилюли, чтобы случайно не забеременеть.

Расслабленно лежа на кровати, Мария подумала о том, что, может, стоит одеться и отправиться к Изабель. Она расскажет лучшей подруге о том, что с ней происходит, о тестах, которые она прошла, о встречах с доктором Джеймсом. Однако уже слишком поздно, да и Мигель скоро вернется с работы.

По крайней мере, она надеялась, что он скоро придет. Может, стоит посмотреть в гостиной телевизор. Она уже было потянулась за пультом, но передумала. Сегодня она слишком устала. Вернувшись от доктора Джеймса, она работала в огороде, и от жары утомилась быстрее обычного. Час уже поздний, и ей хочется спать.

Мария легла, опустила голову на подушку и натянула простыню до подбородка. Теперь, когда она знает, что с ней происходит, ей понятно, почему сон не сразу приходит к ней. Мария закрыла глаза и попыталась уснуть, но минута шла за минутой, а сна не было ни в одном глазу.

Тогда она начала вслушиваться в тишину, надеясь услышать шаги Мигеля на ступеньках крыльца. Прошло еще какое-то время. Она почувствовала, как тяжелеют веки, и медленно прогрузилась в сон.

Ее разбудил холод, ледяной холод, пробиравший до костей. Несмотря на поздний час, ночь была душной и жаркой. Отчего же так холодно в спальне? Отчего ее бьет озноб? Она потянулась за желтым одеялом, что лежало свернутым в ногах кровати. Пальцы впились в толстую шерстяную ткань. И в этот момент она, впервые за ночь, услышала звуки... зловещие стоны и рыдания, скрип и скрежет. Казалось, кто-то ходит по половицам гостиной комнаты. А затем ее накрыла волна знакомого запаха, сладкий и дурманящий аромат роз. С каждой секундой он делался сильнее, воздух начал сгущаться. Дышать стало труднее. Приторный запах проник в ноздри, от него саднило и першило в горле.

Мария тяжело сглотнула и села в постели, опасаясь делать резкие движения. Она бросила взгляд в изножье кровати, и все ее тело тотчас напряглось. Там виднелось нечто непонятное, некий неясный, полупрозрачный образ, смутные очертания человеческой фигуры.

Если ты не уедешь отсюда, они отнимут твоего ребенка и убьют его.

Мария всхлипнула. *Dios mio!* По коже пробежали мурашки, руки задрожали. Пальцы, сжимавшие одеяло, побелели.

Они отнимут твоего ребенка. Они убьют его, если ты не уедешь отсюда.

Мария закрыла глаза, но призрак никуда не исчез, он как будто застыл на месте – ребенок, лет восьми-девяти, он парил над полом в изножье кровати. Судя по голосу, это была девочка, хотя Мария не могла сказать с уверенностью.

Это лишь наваждение, – сказала она себе и повторила слова доктора Джеймса. – Это происходит лишь в моей голове.

Мария закрыла глаза и беззвучно произнесла молитву, пытаясь убедить себя, что призрак вот-вот исчезнет. Она молилась истово, теперь уже вслух, взывая к Святой Деве. Когда она открыла глаза, то увидела, что небеса ответили на ее призыв.

Зловещие звуки медленно угасли. В доме вновь стало тихо. Постепенно улетучился и запах роз, он сделался едва уловимым, даже по-своему приятным, успокаивающим. Ледяной холод тоже исчез, в комнате снова стало тепло.

Лишь сердце по-прежнему бешено стучало, грозя вырваться из груди. Руки сделались непослушными, во рту пересохло. До слуха Марии донесся новый звук, и она пошевелилась. Это был звук шагов на ступеньках заднего крыльца. Через секунду она услышала скрежет ключа в замочной скважине.

Мигель пришел домой.

Мария закрыла глаза и прикусила губу, чтобы не расплакаться.

Майкл Джеймс сидел за столом и слушал нелепую историю, которую ему рассказывала Мария Сантьяго, расположившаяся в кресле напротив. На этой неделе это был уже второй ее визит, однако обе встречи оказались в равной степени неудачными.

– Я видела его, доктор Джеймс. Видела привидение. *Un espectro*. Я ничего не выдумала. Я видела его своими собственными глазами.

– Это не привидение, Мария. С вами просто случился очередной невротический припадок. В этом нет ничего удивительного. Многие люди в разные периоды жизни испытывают приступы паники. Это нормально. Я выпишу вам небольшую дозу ксанакса, чтобы вы немного расслабились, а амбиен поможет вам лучше засыпать, но учитывая вашу беременность...

– Мне не нужны никакие лекарства! В моем доме водятся привидения, а вы задаете мне дурацкие вопросы и не хотите по-настоящему мне помочь!

Доктор Джеймс ответил ей прежним, спокойным и размеренным, тоном:

– Я не просто так задаю вам вопросы, Мария. Они помогают мне лучше разобраться в вашей проблеме. Мы пытаемся изучить ваше прошлое. Нам нужно выяснить, не случилось ли в вашем детстве чего-то такого, что могло повлиять на ваше нынешнее состояние. Это очень важно. В подобных случаях...

– Нет! Вы спрашивали меня об отце. Любил ли он меня? Любила ли я его? Я уже ответила вам, что он бросил нас, когда мне было всего два года. Вы спрашивали меня о матери. Я сказала, что она любила меня и Рауля. У нас нет денег, и нам живется нелегко, но все не так плохо. Вы говорили, что меня, должно быть, что-то сильно тревожит и потому у меня, как это вы выразились? Стресс. Но я говорю вам: мы с Мигелем очень волнуемся за нашего будущего ребенка. До моей беременности я никогда не была такой счастливой, как сейчас. Вы утверждаете, что я боюсь того, чего не понимаю, и вы правы!

Лежащая на колене рука Марии сжалась в кулак.

– В моем доме водятся привидения. Мне является призрак, который требует, чтобы я уехала из дома. Он угрожает мне смертью моего ребенка!

Только спокойнее, сказал себе Майкл и, сделав глубокий вдох, медленно выдохнул.

– Послушайте, Мария. Похоже, вы только что назвали главную причину вашего беспокойства. Вы боитесь потерять ребенка. У вас уже был выкидыш. Думаю, ваши страхи вызваны именно этим.

Мария встала с кресла. Доктор Джеймс обратил внимание, что она дрожит.

– Вы не верите мне. Я так и знала, что не смогу убедить вас.

Она повернулась и направилась к выходу.

Майкл поднялся из-за стола.

– Мария, подождите минуту. Нам еще нужно поговорить.

Мария тем временем уже шагнула в небольшую приемную перед кабинетом врача. Майкл последовал за ней.

– Мне надо поговорить с мисс Коннерс. Скажите, что с ней хочет увидеться Мария Сантьяго, – обратилась Мария к сидевшей за стойкой регистратуры Терри Лейн.

– У мисс Коннерс сейчас пациент, – ответила та. – Она освободится через пару минут.

– Хорошо, я подожду, – сказала Мария и, опустившись на стул, распрямила плечи.

Не прошло и нескольких секунд, как дверь кабинета открылась, и оттуда, в сопровождении незнакомой блондинки и девочки-подростка, вышла Элизабет. Она проводила женщину с дочерью до стола Терри Лейн.

– Тогда все в порядке. Встретимся на следующей неделе, – сказала им Элизабет.

Блондинка, на вид лет сорока, кивнула и сделала дочери знак следовать к выходу.

В следующий момент Элизабет заметила сидящую в кресле Марию. Рядом растерянно переминался с ноги на ногу Майкл Джеймс.

– С вами хочет поговорить миссис Сантьяго, – сообщила Терри, лет двадцати с небольшим, белокурая, с короткой модной стрижкой. В клинике Терри работала недавно, всего несколько недель. Майкл обратил внимание, что она немного нервничает.

– Это так, Элизабет, – сказал он, встав у двери своего кабинета. – Мария хочет что-то вам рассказать.

В его глазах Элизабет уловила немой призыв о помощи. Порой бывает трудно завоевать доверие пациента, а Мария, судя по всему, больше доверяла ей, чем врачу. Майкл уже подумывал о том, чтобы юную мексиканку полностью взялась консультировать Элизабет, однако неврозы – это все-таки сфера его компетенции. С другой стороны, похоже, что отношения Элизабет и Марии слишком близки, что мешает объективно вникнуть в суть проблемы.

Элизабет приветливо улыбнулась будущей матери:

– У меня есть несколько минут свободного времени. Я с радостью постараюсь помочь тебе.

– Почему бы вам снова не зайти ко мне кабинет? – предложил доктор Майкл и подождал, пока женщины войдут и сядут в кресла напротив его стола. – Мария, расскажите ей ту историю, которую вы только что поведали мне.

– Это никакая не история, – обиженно надула губки Мария. – *Mi casa es encantada*.

Элизабет едва не ахнула. К ее счастью, ей удалось сохранить невозмутимое выражение.

– Я думала, мы с тобой уже обсудили эту тему, Мария. Неужели ты всерьез думаешь, что в твоём доме водятся привидения?

– Верю. Там есть *es un espectro*. Прошлой ночью я его видела.

– Ты видела прошлой ночью призрака?

– *Sí*. Верно. Такой маленький... как ребенок. И голос тоже был как у маленькой девочки, хотя точно я сказать не могу. Стало холодно, и я услышала какие-то звуки. И еще сильно пахло розами.

Элизабет перехватила недоуменный взгляд Майкла, однако сделала вид, будто задумалась над словами Марии.

– Если ты считаешь, что в доме происходят странные вещи, то этому наверняка найдется и другое объяснение. Может быть, дом стареет, приходит в упадок, ветшает и поэтому издает странные звуки. Может быть, запах исходит от чего-то такого, что лежит под домом. Не исключено, что там сдохла какая-нибудь зверушка и разлагается, отсюда и запах.

– Я бы и рада поверить, но не могу. Знаю лишь одно: в доме творится что-то страшное, и я боюсь.

Элизабет ничего не сказала. Промолчал и Майкл. За всю свою долгую практику он еще никогда не сталкивался с привидениями, хотя и понимал: Мария действительно сильно напугана.

– Может, мне поговорить с Мигелем? – предложила Элизабет. – Пусть он хорошенько осмотрит дом, вдруг что-нибудь выяснится.

На лице Марии появилось выражение ужаса.

– Ничего не говорите моему мужу! Мигель вас не поймет. Он подумает, что я веду себя как ребенок. Он всегда так говорит, когда мы ссоримся.

Майкл наклонился над столом и подался вперед.

– Послушайте, Мария, так дальше продолжаться не может. Вы должны все рассказать вашему мужу. Мне тоже не помешало бы с ним побеседовать.

Мария вскочила с кресла:

– Нет! Вы начнете задавать ему свои бессмысленные вопросы, как и мне. То, что он скажет, нисколько не поможет делу. Вы ошибаетесь, вы оба. И я ничего не выдумываю!

С этими словами Мария поспешила к выходу.

– Мария! – попыталась остановить ее Элизабет и бросилась вдогонку за молодой женщиной.

Майкл открыл им дверь. Он сделал все, что в его силах. Вряд ли он сможет помочь Марии, если, конечно, та сама не попросит о помощи.

Оставалось лишь надеяться, что Элизабет убедит Марию в правильности их действий, и напуганная юная женщина вновь придет к нему в кабинет. Если этого не произойдет, то Мария обречена и дальше страдать от призраков.

Пятница. Еще одна неделя в Лос-Анджелесе. Еще один жаркий июльский день в долине. Зак обычно приезжал сюда в пятницу вечером после работы. Дело, которым он в данный момент занимался, – иск против компании, производящей лекарственный препарат темозиамин, – отнимало массу времени. Он всю неделю работал допоздна, чтобы сегодня уйти с работы пораньше. Самым трудным, едва ли не убийственным, был переезд через горы в долину Сан-Фернандо.

Поездка прошла относительно приятно, потому что он вовремя выехал на джипе из города, а вот в Сан-Пико его встретила дикая жара.

Зак свернул с Уиллоу-Роуд на автостоянку геронтологического центра «Уиллоу-Глен». Асфальт так раскалился под палящим солнцем, что было видно, как над ним подрагивает жаркое марево.

Здесь он вылез из машины и направился к главному корпусу – двухэтажному зданию с пышной лепниной на фасаде.

Он уже успел выйти с территории стоянки, когда заметил серебристую «акуру», припаркованную неподалеку от того места, где он оставил свой джип. На такой машине ездила Лиз Коннерс. Он видел ее на «акуре» в тот день, когда она приезжала в «Тин Вижн».

Задумавшись над тем, кому может принадлежать эта машина, он чуть быстрее обычного зашагал в комнату с белыми стенами, в которой обитал его отец. Встречи с ним, когда он лежал, устремив взгляд в потолок, или дремал в инвалидной коляске, всегда повергали Зака в отчаяние. Однако, по словам докторов, по-прежнему оставалась, пусть даже самая малая, надежда на то, что Флетчер Харкорт когда-нибудь вернется к нормальной жизни. В любом случае отец есть отец, в каком бы состоянии он ни был.

Зак открыл массивную входную дверь. В вестибюле работал кондиционер, а Зак был рад встретившей его здесь прохладе. А так как он, приезжая в Сан-Пико, регулярно навещался в «Уиллоу-Глен», в регистратуре его уже знали.

– Здравствуйте, Зак! – улыбнулась темноволосая дежурная. – Не забудьте расписаться в журнале посетителей.

– Конечно. Спасибо, Элли, – ответил он и поставил в журнале подпись и дату.

Затем пересек просторное фойе и зашагал по длинному коридору. По сравнению с другими клиниками для пожилых людей, о которых ему приходилось читать, здесь было очень даже уютно. Не более двух человек в палате, некоторые, как и его отец, живут в отдельных комнатах. После трагического случая, едва не стоившего ему жизни, Флетчера Харкорта перевезли из клиники в «Уиллоу-Глен» для послеоперационной реабилитации.

Зак тогда настаивал, чтобы отец оставался дома под присмотром сиделки, – не хотелось лишать старика привычной обстановки. Однако Карсон считал, что в клинике отцу будет лучше, там он сможет получить квалифицированный медицинский уход. А так как Карсон был старшим сыном, в соответствии с отцовским завещанием его назначили попечителем состояния Флетчера Харкорта, включая ферму и право принимать решения о дальнейшем его лечении.

Зак пытался возражать, но последнее слово все равно осталось за Карсоном. Так отец оказался в «Уиллоу-Глен».

Это была еще одна вещь, за которую он ненавидел брата.

Зак зашагал дальше, к палате С-14 в западном крыле здания. Он уже взялся за ручку двери, когда из соседней комнаты вышла женщина. Он сразу узнал ее.

– Здравствуйте, Лиз!

Услышав его голос, она подняла голову и замерла на месте.

– Зак? – Она обернулась к нему. – Вы приехали к отцу?

Он кивнул:

– Я бываю у него каждый раз, когда приезжаю в город. А вы что здесь делаете?

– Провожу занятия с персоналом.

– На какую тему?

– Гериатрическая психология. Обучаю методике ухода за пожилыми людьми.

– Звучит внушительно.

– В этом сложном деле важна любая мелочь. – Элизабет повернулась к открытой двери. – Я знаю, что здесь находится ваш отец. Надеюсь, он хорошо себя чувствует?

– Как обычно, ни лучше, ни хуже. Ноги по-прежнему не слушаются. Последствия черепно-мозговой травмы. Он плохо говорит. Иногда обрывочно вспоминает события прошлого, которые смешивает с настоящим. Но ничего не помнит ни о падении, ни о том, что было после.

– Я слышала, что с ним случилось. Он ведь упал с лестницы, верно? Тогда еще был жив мой отец, а сестра еще не уехала из Сан-Пико. В марте они с мужем перебрались в Сан-Франциско.

– Трейси, кажется, так ее зовут?

Элизабет кивнула.

– Трейси на пару лет младше меня, – ответила она и заглянула в палату. – Это просто ужасно. Ваш отец всегда был таким жизнерадостным человеком.

– Временами он бывал просто невыносим, но в целом относился ко мне по-доброму. Я ему многим обязан. Гораздо большим, чем я когда-либо смогу ему отплатить.

– Есть шанс, что он когда-нибудь поправится?

Зак обернулся и посмотрел на лежащего на кровати человека.

– Врачи все еще на это надеются. Говорят, что медицинские технологии постоянно совершенствуются. В скором времени якобы появится оборудование, которое позволит его прооперировать, удалить обломки кости, застрявшие в мозговых тканях. Я тоже на это надеюсь. Мы все надеемся.

Элизабет посмотрела на Зака как на некий курьезный экспонат под микроскопом. По крайней мере, ему так показалось.

– Вы удивительный человек, Зак. Вы приехали сюда навестить отца. Сэм Марстон говорит, что вы – основатель «Тин Вижн». Вы сумели избавиться от проблем с алкоголем и наркотиками и стали успешным адвокатом. И в то же время вы можете быть резким и не боитесь настраивать против себя окружающих. У меня все это просто в голове не укладывается. Никак не могу вас понять.

Зак усмехнулся:

– Приятно слышать, что вы хотя бы пытаетесь разобраться во мне. Почему бы нам как-нибудь не пообедать вместе?

– Видите ли...

– Да-да, знаю. Вы заняты.

Элизабет быстро отвела взгляд.

– Послушайте. Мне действительно пора. У меня много работы. – Она отвернулась и направилась к выходу.

– Лиз!

Она застыла на месте и медленно повернулась к нему.

– Если не хотите пообедать со мной, то давайте хотя бы сходим вместе перекусить. Что скажете?

Она так долго не отвечала, что ладони у Зака сделались влажными от пота. В последний раз такое было с ним лишь в школе.

– Когда? – спросила Элизабет, и его сердце радостно застучало.

– Допустим, сегодня. Уже одиннадцать часов. Скоро обеденный перерыв. Можем встретиться во второй половине дня, после того как я немного побуду с отцом.

– Отлично. Только если вы предложите кафе «У Марж», наша сделка не состоится, – пошутила Элизабет.

Зак весело рассмеялся:

– Я имел в виду «Старое ранчо». Там очень прилично кормят.

– Отлично. Значит, встречаемся в «Старом ранчо» в час дня. – И Элизабет зашагала к выходу.

– В час дня – значит, в час дня. До встречи, – ответил Зак и проводил ее взглядом.

Вскоре Элизабет скрылась из вида. Сегодня она выглядела иначе: в простом деловом костюме и строгой белой блузке.

Он вытер потные ладони о брюки. Сердцебиение постепенно приходило в норму. Боже, что это с ним? Разве он когда-нибудь нервничал с женщинами? Чаще бывало наоборот. Наверное, причиной всему тот давний случай. Помнится, Элизабет преподавала ему тогда хороший урок.

Да-да, причина именно в этом. И все-таки он не прочь встретиться с ней. Входя в комнату отца, Зак поймал себя на мысли, что он с нетерпением ждет этой встречи.

Глава 9

Элизабет открыла дверь «Старого ранчо» ровно в час пополудни. Она всегда и всюду приходила вовремя. Распорядок ее дня был настолько плотным, что она просто не могла иначе. Кроме того, любое опоздание она считала проявлением неуважения к людям. К ее удивлению, Зак уже был на месте и сидел в фойе ресторана. При этом она не заметила на его лице выражения, типичного для вечно занятого адвоката, который всем своим видом стремится показать окружающим свою значимость и лишь изредка снисходит до того, чтобы уделить вам минуту свободного времени. Наоборот, на него было приятно смотреть. Еще как приятно! Он был подтянут и строен. Кожа загорелая, причем загар явно получен от пребывания на свежем воздухе, а не в кабинке солярия. У него были слегка выющиеся, густые и почти черные волосы и правильные черты лица.

Одет он был элегантно и со вкусом: желтая рубашка с коротким рукавом, легкие бежевые брюки и итальянские мокасины. В этом своем явно недешевом наряде он был просто шикарен. И это бывший школьный хулиган, неизменно ходивший в проклепанной кожаной куртке. Элизабет отказывалась верить собственным глазам.

И все же в нем до сих пор осталось нечто юношеское. Она без труда узнала и волевой подбородок, и изгиб губ, и гордо расправленные плечи. Этот юношеский задор нисколько не портил его, наоборот, придавал еще большую привлекательность. Именно по этой причине, будь у нее возможность позвонить ему, она бы точно отменила эту встречу.

– Смотрю, ты вовремя, – сказал Зак, вставая, и шагнул ей навстречу. – Признаться, я сомневался, что ты придешь.

– Я бы точно не пришла, будь у меня номер твоего мобильного. Это безумие, Зак. Что мы здесь делаем? У нас с тобой ничего общего. Я понятия не имею, зачем ты пригласил меня в ресторан.

Элизабет отказывалась верить, с какой легкостью она согласилась встретиться с ним. Зак Харкорт – совсем не тот человек, с которым ей хотелось бы провести время. Не говоря уже о том, что она встречается с его братом. Карсон будет задет, если узнает, что она согласилась пообедать в ресторане вместе с Заком. Хотя она и не обязана хранить ему верность, все равно почему-то чувствовала себя виноватой.

– Я пригласил тебя, потому что не люблю есть один. И потом, у нас очень много общего...

Перед ними возникла дородная официантка, и Зак не успел до конца развить свою мысль. Официантка вручила им две книжки меню.

– Вы вдвоем?

Зак кивнул.

– Пройдите, пожалуйста, вон туда. – С этими словами официантка проводила их в обеденный зал, оформленный в стиле эпохи покорения Дикого Запада.

Они подошли к простому деревянному столу. Зак отодвинул стул для Элизабет, а затем сел сам.

– Так что же у нас общего? – поинтересовалась Элизабет, отпивая из стакана с холодной водой.

– Во-первых, мы оба помогаем подросткам, которые хотят изменить свою жизнь к лучшему. – Зак положил себе на колени салфетку. – А во-вторых, мы оба на дух не выносим политику.

– Что? Чушь! С чего ты взял, что я ненавижу политику?

– Да ладно тебе, Лиз. Признайся, что в минувшую субботу тебе было чертовски скучно. Я это понял сразу, как только тебя увидел.

– Неправда, мне не было скучно. Я всего лишь... Я не знала никого из гостей, только и всего.

– Если бы ты была с ними знакома, то заскучала бы еще больше.

Элизабет не знала, как ей реагировать на его слова: рассердиться или рассмеяться. В конце концов, она улыбнулась уголками губ.

– Если ты так ненавидишь политику, то что ты сам там делал?

Зак открыл меню, но читать не стал.

– Уолтер Симино и его дружки пытались подкупить меня, точнее, вовлечь в избирательную кампанию моего брата, если, разумеется, таковая начнется. Я ответил им, что не хочу участвовать в этом спектакле. Во всяком случае, помогать ему я не намерен.

Элизабет покрутила в руках меню, пытаясь выбросить из головы образ Зака, каким она увидела его в день приезда в «Тин Вижн». Раздетый по пояс, под кожей перекачиваются мускулы, в руках молоток. Вместе с ребятами обшивает досками стену сарая.

– Если Карсон будет баллотироваться в законодательное собрание, ты намерен примкнуть к оппозиции, я тебя правильно поняла?

– Я этого не говорил. Я сказал лишь, что сохраняю нейтралитет.

– Почему?

– Что – почему?

– Ты не слишком любишь своего брата. И вряд ли стал бы голосовать за него. Почему же ты решил сохранять нейтралитет?

Зак шумно вздохнул. Какие у него интересные глаза, подумала Элизабет. Не просто карие, а с золотистыми крапинками. Казалось, что, когда он смотрит на нее, они как будто светятся.

– По правде говоря, я сам не могу сказать, почему принял это решение. Наверное, хотел по-мальчишески уязвить Карсона. Мне кажется, нежелание лезть в политику я унаследовал от отца. И потом, я слишком занят, чтобы заниматься тем, что мне неинтересно.

К столу, чтобы принять заказ, подошла официантка. Мельком заглянув в меню, оба заказали гамбургер и жареную картошку. Правда, потом Элизабет почти не прикоснулась ни к мясу, ни к гарниру, недоумевая, как только ее угораздило заказать столько жирной пищи.

– На каких делах ты специализируешься? – спросила она, когда официантка ушла.

– Главным образом связанных с личным ущербом.

– Гоняешься за машинами скорой помощи? Никогда бы не подумала.

Зак искренне рассмеялся, и этот его смех задевал в ее душе самые сокровенные струны. Ну почему он производит на нее такое впечатление? Еще учась в школе, она всегда обращала на него внимание, когда он приходил в кафе, в котором она тогда подрабатывала. Зак был на четыре года ее старше, самый красивый юноша во всем городе. Каждый раз, когда он приходил в кафе, ее охватывало волнение. Ноги становились ватными, а сердце трепетало в груди. К сожалению, Зак водил дружбу со всяким отребьем и вечно попадал в неприятные ситуации.

– Мы специализируемся на небольших личных судебных исках. Крупными коллективными исками мы не занимаемся. Предпочитаем брать реальное число клиентов и никого не водим за нос, обещая стопроцентный успех. В данный момент мы ведем дело против одной фармацевтической компании, выпускающей препарат под названием «темозиамин». Обычно мы предпочитаем не иметь дел с фармацевтическими компаниями. Это не наша компетенция, но это дело попало к нам через нашего бывшего клиента. И затрагивает интересы лишь ограниченного числа людей.

– А в чем суть проблемы?

– Этот препарат вызывает у некоторых людей серьезные нарушения мозговой деятельности. Причем процент таких нежелательных побочных эффектов выше допустимого. Мы добиваемся запрета препарата на рынке.

– Интересно.

– Знаешь, мы – хорошие парни. Честные, правильные. Пару лет назад наша фирма работала над делом, связанным с трехколесными автомобилями. Почти пятьдесят тысяч человек в год получают увечья, многие из них погибают или остаются до конца жизни инвалидами. Нам удалось доказать, что компания-производитель знала о факторе риска и даже зарезервировала средства для покрытия возможных убытков вследствие исков. Суд присяжных был возмущен, узнав об этом, и нам в конечном итоге удалось запретить производство этих автомобилей.

– Помню этот случай. Если не ошибаюсь, были выплачены огромные суммы.

– Больше двухсот пятидесяти миллионов.

– Ого! Теперь понятно, откуда у тебя костюмы от Армани.

Зак усмехнулся. Боже, какие ослепительно-белые у него зубы! Или это у него такое смуглое лицо?

– Какая ты, однако, наблюдательная! Но раз уж ты заметила, скажу: оно того стоит.

Да, конечно, она заметила. Как можно не заметить такого красавчика, который сейчас сидит перед ней. Элизабет была зла на саму себя.

В этот момент официантка принесла заказ, и возникшая было неловкость была исчерпана. Официантка поставила перед ними тарелки с гамбургерами. Аромат жареного мяса приятно щекотал ноздри, и у Элизабет невольно заурчало в желудке.

Зак сделал вид, будто ничего не заметил.

– А ты? – спросил он, взяв гамбургер в руки. – Ты ведь социальный работник, я правильно понял?

– Независимый консультант-психолог по семейным конфликтам.

– Подозреваю, ты тоже занимаешься интересными делами?

Он откусил большой кусок мяса и принялся с аппетитом жевать. Элизабет изучала его глазами. Красив, черт возьми, еще как красив, однако ни капли слащавости. Можно сказать, ходячее воплощение слегка грубоватой мужской красоты. Элизабет поймала себя на том, что ей стало неловко.

Она взяла нож и вилку и разрежала пополам свой гамбургер, чтобы хоть чем-то занять руки.

– Признаюсь, я сейчас тоже занимаюсь одним очень интересным делом. Короче говоря, консультирую одну молодую женщину, которая уверена, что в ее доме водятся привидения.

Зак кивнул с таким видом, что, мол, привидения – вещь привычная, и откусил еще мяса.

– Мария Сантьяго. Врачи считают, что у нее что-то не в порядке с головой. Я слышал эту историю.

– Откуда? Ты знаешь Марию? Она рассказывала тебе о привидениях?

– Я знаю ее брата, или ты забыла? Мы с ним недавно разговаривали. Он упомянул о своей сестре. Насколько я понимаю, Мария рассказала Раулю про привидение и про встречу с доктором Джеймсом.

Элизабет выпрямила спину.

– Вообще-то Майкл не считает ее больной. По его мнению, что это обычный невроз. Я тоже склонна так думать.

– Майкл, кто это?

– Мой начальник. Из клиники.

– Просто начальник или?...

Элизабет разозлилась:

– Откуда у тебя такой интерес к моей личной жизни? При каждой нашей встрече ты пытаешься выяснить, с кем я сплю.

Зак положил остаток гамбургера на тарелку.

– Кстати, с кем же ты все-таки спишь?

– Не твоё дело! – Элизабет отбросила салфетку и, отодвинув стул, встала из-за стола. Зак последовал её примеру.

– Подожди! Я прошу прощения. Я просто хотел узнать, есть ли у тебя кто-нибудь.

– Никого у меня нет! Доволен?

– Да, доволен, – усмехнулся Зак.

Они стояли до тех пор, пока до них не дошло, что они привлекают к себе внимание остальной публики. Элизабет решила, что лучше снова сесть.

– Так на чём мы остановились? – спросил Зак. – Помимо того факта, что в данный момент ты не замужем.

Нет, он просто невыносим! Но разве можно долго обижаться на такого красавца? Элизабет поймала себя на том, что улыбается.

– Мы говорили о Марии Сантьяго, и я уже сказала больше, чем следовало бы.

– Но ведь она не твоя пациентка?

– Ты прав. Официально – нет. Она попросила меня присутствовать на встрече с доктором Джеймсом.

– Тогда никаких проблем. Ешь спокойно свою картошку, а то остынет.

Элизабет взяла с тарелки ломтик картофеля и макнула его в кетчуп.

– Мария отказалась от дальнейших визитов к доктору Джеймсу.

– Мне кажется, я понимаю причину, – сказал Зак. Он посолил свою картошку, взял ломтик и бросил его в рот. – Рауль говорит, Мария взяла с него слово, что он ничего не скажет её мужу про то, что происходит в доме. Она убеждена, что действительно видела привидение.

– А почему Рауль рассказал об этом тебе?

Зак пожал плечами:

– Как я уже сказал, у нас с ним был разговор. По выходным я приезжаю на ферму. Как ты заметила, мы строим там новый сарай. Мне интересно работать с подростками, это даёт мне возможность лучше узнать их. Я пытаюсь их приободрить, похвалить за успехи. И ещё я провожу с ними занятия, на которых рассказываю о вреде алкоголя и наркотиков, о моём прошлом, о том, что жизнь можно изменить к лучшему. Важно лишь захотеть. Кстати, я думаю, что ты права в отношении Рауля. Похоже, он хороший парень.

– И он рассказал тебе о сестре?

Зак кивнул и проглотил смоченный в кетчупе ломтик картофеля.

– Точно. Он очень переживает за неё.

– Что же он рассказал о привидении?

– Утверждает, что верит сестре. Потому-то он и завёл со мной разговор. Рауль знает, что я адвокат. Он хотел, чтобы я поговорил с Карсоном и выяснил, не могут ли Мигель и Мария получить новое жильё.

– Не верю. Она действительно хочет съехать из этого дома?

– Видимо, да. Что бы там ни происходило, мой брат ни за что не даст на это согласия, тем более из-за каких-то там привидений.

На их стол упала чья-то тень. Элизабет подняла голову и увидела, что к их столику подошёл высокий светловолосый мужчина. По непонятной причине она тотчас ощутила чувство вины.

– Да, помяни черта, и он тут как тут, – заметил Зак, и его лицо приняло каменное выражение.

Карсон остановился возле её стула. На его лице не было и тени улыбки.

– Я думал, что в тебе больше благоразумия, – процедил он.

Элизабет тотчас залилась краской.

Зак встал. Руки машинально сжались в кулак.

– Оставь её, Карсон!

Если бы вдруг Элизабет потребовалось доказательство, что этот человек сидел в тюрьме, в эти минуты ей было достаточно взглянуть на лицо Зака Харкорта. Жестокое. Свирепое. Кроважское, если на то пошло.

– Нам нужно было поговорить по поводу одного дела, – пояснил Зак. – Вернее, об одном парне из «Тин Вижн». И мы решили, что это можно сделать за обедом.

Карсон скользнул по Элизабет неодобрительным взглядом.

– Это так?

Элизабет даже не моргнула, хотя это и стоило ей немалых усилий.

– Какая разница, Карсон, почему я здесь нахожусь. Это мое личное дело. Я могу сидеть в ресторане с кем угодно. Даже с твоим братом. То, что мы с тобой дважды встретились, вовсе не значит, что я обязана давать тебе отчет в своих действиях.

Лицо Карсона приняло каменное выражение.

Зак, похоже, не ожидал, что она не станет прибегать к полуправде, которую он поспешил услужливо ей подкинуть. Вот это да! Оказывается, Элизабет не нуждается в его помощи. Ей наплевать, что подумает о ней Карсон.

Кстати, тот, наконец, сумел выдавить улыбку.

– Что ж, ты права. – Его взгляд переместился на Зака. – А как поживает Лиза? – Этот невинный вопрос был произнесен с заметной ноткой сарказма.

Зак со злостью прищурился.

– Откуда мне знать? Не видел ее с прошлой недели, когда в последний раз был в городе.

– Если случайно встречу ее, непременно передам от тебя привет, – сказал Карсон и направился прочь от их столика.

Элизабет вопросительно посмотрела на Зака:

– Лиза?

– Лиза Дойл. Мы с ней иногда видимся, когда я приезжаю на выходные.

Лиза Дойл. При упоминании этого имени Элизабет побледнела. Она знала Лизу Дойл. Их взаимная неприязнь имела глубокие корни.

– Ты встречаешься с Лизой Дойл?

– Не совсем так. Нас ничто не связывает, если ты это имеешь в виду.

Чувствуя, что ее желудок стягивается в тугой узел, Элизабет поспешила встать из-за стола.

– Ничто не связывает? Ты хочешь сказать, что всего лишь ее трахаешь? Интересно, почему меня это не удивляет?

В конце концов, это ведь Зак Харкорт. Помнится, в молодости он менял женщин как бумажные носовые платки, попользовавшись которыми без всякого сожаления выбрасывал. Она не позволит ему относиться к себе как к ним.

Открыв сумочку, Элизабет вытащила бумажник, достала деньги и бросила на стол. По идее должно хватить и за обед, и на чаевые официантке. Зак взял деньги, встал и протянул их Элизабет.

– Это я пригласил тебя сюда. И я не отвечаю ни за Лизу, ни за Карсона!

– Я не сплю с Карсоном! – ответила она и, развернувшись, направилась к выходу.

Зак схватил ее за руку:

– Послушай, я не совсем правильно себя повел. Это было импровизированное приглашение. Я не придавал этому никакого значения. Извини меня. Мне жаль, что так получилось.

– Это может забавно прозвучать, но мне – тоже.

Ей не следовало принимать происшествие в ресторане так близко к сердцу. Ну и что с того, что Зак с кем-то встречается? Она ведь тоже встречается с Карсоном, разве не так? В конце концов, это был всего-навсего невинный обед вдвоем.

Однако Зак вот уже две недели добивался встречи с ней и ни словом не обмолвился о том, что состоит с кем-то в близких отношениях. Тем более что этот кто-то – Лиза Дойл, та самая Лиза Дойл, которая, по сути дела, бесповоротно разрушила ее брак. Элизабет еще крепче сжала руль, направляясь к себе в клинику. В памяти всплыл тот далекий уик-энд, когда они с Брайаном три года назад приехали в Сан-Пико на встречу одноклассников. Это он настоял на том, чтобы она поехала. Наверное, потому, что в их супружеских отношениях возникли проблемы.

Брайан постоянно работал допоздна, даже в выходные, и это вызывало у Элизабет нешуточные подозрения.

Это был прекрасный вечер. Они были рады встретить старых школьных друзей. Брайан впервые за последние месяцы был внимателен к ней. Элизабет поболтала с Гвен и ее мужем, потанцевала с несколькими бывшими одноклассниками. Она даже не заметила, как Брайан куда-то исчез.

Затем оркестр сделал перерыв. Элизабет попыталась отыскать мужа. Бесполезно. Брайан в тот вечер слишком много выпил, и у нее возникло опасение, что он уже не сможет сесть за руль и отвезти их к сестре, у которой они собирались переночевать. Встревожившись еще больше, она вышла на автостоянку, надеясь отыскать его там. И тогда она заметила их «лексус», покачивающийся на рессорах вверх-вниз.

На ватных ногах Элизабет направилась к автомобилю. Пульс зашкаливало. Душу наполнило неприятное предчувствие.

Машина была припаркована в темном углу стоянки. Подойдя ближе, она увидела в ней двух человек на заднем сиденье. Это были Брайан и Лиза Дойл, записная красотка из класса Элизабет. Брюки Брайана были спущены до колен, юбка Лизы задрана до пояса.

Несколько секунд Элизабет оцепенело наблюдала за происходящим. До ее слуха доносились потные шлепки тел и похотливые стоны.

К горлу подкатил тошнотворный комок. Элизабет развернулась и бегом бросилась к кафетерии, в котором проходила их встреча. Очевидно, Брайан услышал стук ее каблучков, потому что дверца «лексуса» неожиданно распахнулась.

– Элизабет! – крикнул он. – Элизабет, стой!

Но она даже не оглянулась и, влетев в кафетерий, бегом бросилась в туалет. Ей хотелось одного: где-нибудь спрятаться, затаиться, забиться в угол, лишь бы только ее никто не видел.

Наконец ее отыскала Гвен. Верная подруга помогла ей вытереть заплаканное лицо и поправить макияж. По всей видимости, Брайан наплел всем какую-нибудь чепуху о возникшем непонимании, и Гвен изо всех сил делала вид, будто поверила его словам. Но Элизабет не желала обольщаться. Как она и подозревала, Брайан все время ее обманывал. Их браку настал конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.